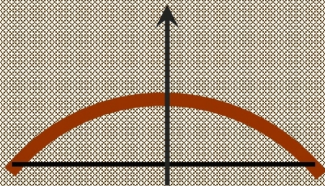

Дан Берг

Шимшон

18+

Дан Берг

ШИМШОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63499907

SelfPub; 2020

Аннотация

“Шимшон” – одна из повестей цикла Библейских историй. Широко известен сюжет Самсона и Далилы. Настоящая вещь посвящена этим героям. Автор вернул персонажам их первоначальные имена – Шимшон и Длила. Перед взором читателя предстанут жизнеописание легендарного богатыря, участь его несчастных отца и матери, судьба его возлюбленной.

Дан Берг Шимшон

Предисловие

В Библейской Книге Судей (главы 13-16) повествуется о жизни богатыря Самсона – его дерзкие подвиги, роковые ошибки и жертвенная смерть. Легендарную эту историю принято относить приблизительно к 12 веку до нашей эры. Оку читателя открывается картина героических деяний, любовных страстей, беспощадной мести и рек крови. За фабулой рассказа неколебимой скалой высятся Ветхозаветные догматы морали.

Комментаторы Писания приложили немало труда, дабы приблизиться к однозначному истолкованию сюжетных перипетий и всем им сыскать законное место в нравоучительной доктрине. При этом очевидны различия христианского и еврейского подходов.

Насыщенная необычайно бурными событиями Библейская драма получила широчайшее воплощение в искусстве. Самсон завоевал все жанры: литературу, драматургию, поэзию, живопись, скульптуру, музыку, кинематографию. Вот далеко неполный перечень известных литераторов, художников, композиторов, коих Ветхозаветный герой одарил

вдохновением: Г. Сакс, Дж. Мильтон, У. Блейк, М. Луцатто, А. де Виньи, Вольтер, Л. Андреев, В. Жаботинский, Д. Гроссман; Рембрандт, Ван Дейк, Рубенс; А. Скарлатти, Ж. Рамо, Г. Гендель, К. Сен-Санс.

Повесть “Шимшон” является достаточно свободной и не привязанной жестко к Библейскому тексту его литературной интерпретацией. Автор выражает надежду, что брошенная им в бочку с пряным питьём древности щепотка современных представлений не повредит исконному аромату напитка.

Написание имен главных героев соответствует первоисточнику. Прочие имена имеют талмудическое происхождение или являются плодом авторской фантазии.

Дан Берг

Глава 1 Обделенные

Всякий будень труда и хлопот начинался с рассветом и кончался по обыкновению, когда светило небесное опускалось за горизонт. Но сегодня, в честь грустного семейного торжества, работы остановились в полдень – муж и жена справляли годовщину супружества. Никогда в их доме не раздавался детский гомон, и колыбели не было за ненадобностью. Брак без детей, что день без солнца – с утра надеемся, к вечеру смиряемся.

Маноах, молодой и сильный мужчина, расположился во дворе дома. Он сидел на старом срубе в тени под навесом и складывал на земле из мелких камушков неведомую фигуру, а спроси его что это – и не найдется с ответом. С полудня Маноах отдыхал. Ждал, когда позовут к столу. Непривычное безделье. Уступил жене своей – Цлальфонит ее имя. А просила-то она всего-навсего отметить событие застольем да отрешиться от обыденности. Уснет печаль, и забудешь ее, а проснется – живи с нею.

Когда трудяга и неречистый парень Маноах сватался, то признался невесте и родителям ее, что имя Цлальфонит застрекает у него меж зубов, и испросил общего согласия называть будущую жену Флалитой. Никто не возражал, и так и пошло с тех пор – супруги Маноах и Флалита.

Из открытой двери дома доносился запах жареной баранины. Во мнении соседей чета считалась зажиточной, но все же хозяева не каждый день баловали мясом свои желудки. Слышны были команды Флалиты – она управляла работницей, готовившей ужин.

“Откуда Флалите известно, что мы прожили вместе одиннадцать лет? – размышлял Маноах, – луны, должно быть, считает. Это женское дело!” Ему хотелось иметь сыновей. Ну, пусть, одного. Дочь – тоже отрада в жизни, хоть людское

неразумие и не признает сего. А какое дело Маноаху и Флалите до чужой глупости – у них собственные головы на плечах, и свои сердца стучат в груди! “Да что толку праздно гадать? Нету снегу – нету следу!” – невесело усмехнулся про себя Маноах и невольно вспомнил, как он мальчишкой скитался вместе с отцом и братьями по холодным снежным горам вокруг города Иевуса.

Колено Дана, что дало жизнь Маноаху, не целиком пока прикипело к оседлости. Не перевелись еще кочевые кланы. Добывают они пропитание охотой, а то и разбоем. Семья Маноаха нашла пристанище в Цоре. В городе этом проживали все больше иудеи из колена Иегуды, и разместился он в тревожной близости от филистимлян. А вернее сказать, филистимляне, эти неисправимые язычники, подошли вплотную к Цоре и нависают грозой над иудеями и изрядно обирают их.

Войну все же кумирники не затевают, хоть и сильнее соседей, недавно осевших на землю. То ли чтут стародавний союз меж своим царем Авимелахом и иудеем Авраамом, а, может, худой мир прибыльнее им – кто знает? На небесах, тем не менее, точно известна причина бед иудейских: творят сыны Израилевы злое перед очами Господа.

Флалита удостоилась быть уроженкой колена Иегуды, ко-

торое, по мнению стародавних и новейших авторитетов, превосходило праведностью колено Дана. К чести древних и более заслуженных адептов веры следует заметить, что они не кичились перед менее набожными соплеменниками и не гнушались ими, ибо самокритично признавали собственное несовершенство. Как бы там ни было, но когда странствующее семейство Маноаха угнездилося в Цоре, юная Флалита с первого взгляда полюбила сильного и красивого молодого кочевника, а он тоже умильно поглядывал на девицу. В ту пору обоим было лет этак по семнадцать.

Отцы сговорились о женитьбе своих чад. Дали молодым хорошее приданое: овец, надел земли, птицу домашнюю, и подарили несколько возов отесанных камней для постройки жилища. Родители Маноаха с дочерьми остались в Цоре – устали скитаться, а братья двинулись на запад к морю и пропали без вести. Мать, отец и сестры новобрачного не долго радовались покою оседлой жизни. Купцы из Египта вместе с товаром привезли какую-то моровую болезнь, и не остереглись родичи Маноаха, и он схоронил кровных и осиротел.

Флалита же была единственным дитём у своих стариков. К несчастью, вскоре после свадьбы дочери они покинули мир. Так остались без родни Маноах и Флалита. Велико было желание породить побольше деток, дабы самим насытиться родительскими радостями и вдобавок прочно укоренить

на земле оба рода. Однако Всевышний не стал на сторону наших героев.

Десять лет минули, а дети не народились. На сей случай у иудеев заведен был в древности обычай – муж вправе притязать на развод с женой, и всякий служитель Божий уважит справедливый иск. Ибо колена Израилевы и язычники с ними заодно следовали резонному правилу касательно женщины: не можешь зачать или плод выносить – отвечай за вину бездетности!

Но не жесток Маноах. Должно быть, дорога ему Флалита. Да и как разводиться с ней? Отправить обратно в отчий дом? У нее же нет никого на всем белом свете! Взять вторую жену – несправедливо обидеть Флалиту. Он чувствовал, что она любит даже крепче, чем в юности, держится за него. А если и принять в дом еще одну женщину, то ведь только ему наследники родятся, а Флалиты боль за угасший род не уймется. Да и не так уж Маноах богат, чтоб двух жен содержать. Правда, мир не без добрых рабынь. Но байстриук делу не в помощь, ибо незаконность с предрассудком в согласии, и союз этот не разбить. Впрочем, лучше покинуть скользкую почву.

Прав Маноах: для Флалиты делить его любовь с другой – лучше смежить очи. Может, поэтому старалась угодить

ему во всем. Тайком от мужа советовалась с изощренными в любви филистимлянками из соседней Тимнаты, выучилась многими вещам и удивляла и радовала супруга обретенным искусством. А еще язычницы рекомендовали ей верное средство, как понести. Надо поесть на ночь сырой заячей печенки. Советчицы сами доставляли ей волшебное зелье, ибо Флалите не достать было трэфного зайца у иудеев. Увы, чудо не спешило в ее дом.

Маноах топил свое горе в труде. Непреклонным усердием он изрядно увеличил имущество приданого и наследства. Хозяйство большое. Земли много, мелкий скот, птица. Хотелось бы и пруд выкопать да рыбу развести. Зимой любил охотиться. Так текли дни. Больше работы – меньше дум. Были у Маноаха наемники, а также раб и рабыня – оба за долги. Рабу подходил срок освобождения, потому как седьмой год работал, но он заявил хозяину, что не хочет уходить, чтобы не разлучаться с полюбившейся ему батрачкой.

Флалита помогала мужу, в чем могла. Управляла делами, по пятницам сама готовила и подавала Маноаху любимые его кушанья. Сколько, однако, требуется хозяевам вместе с работниками еды и прочих продуктов домашнего труда? Зерно, молоко козье и овечье, перья и пух, шерсть, мясо – всё, что оставалось – всё продавалось покупщикам. Торговля, как известно, нужна для обмана и обкрадывания. Тут

то и пригодидалась Флалитина смекалка. Самым хитрым из купецкой братии ни разу не довелось обвести ее вокруг пальца.

Дом Маноаха и Флалиты сложен из камня. Строился с замахом на большую семью. Но не зазвенели в комнатах детские голоса, и печаль висела в воздухе.

Многочисленными каменными строениями Цора не могла похвастать. Большинство горожан жили в лачугах, неведомо из чего сработанных и обмазанных глиной. А недавно осевшие кочевники ютились в землянках или в пещерах за городом. Непривычка к регулярному труду мешала выбраться из нищеты. Скучность не добавляет доброты. Завистников и недоброжелателей у безбедных Маноаха и Флалиты было предостаточно.

Флалита и Маноах слыли людьми богобоязненными среди жителей Цоры, и на небесах отдавали должное их стремлению к безукоризненной праведности. Прочие горожане не могли похвастаться подлинной приверженностью догматам иудейской веры. Разумеется, одним лишь прилежным трудом святости не обрести. Работать до поту и филистимляне-язычники горазды. Необходимы неустанное поклонение единому Господу и безусловная верность заповедям Его.

Супруги соблюдали день субботний и не ели некошерной пищи, если пренебречь упомянутой зайчатиной, но ввиду серьезности причины можно иной раз сделать снисхождение. От бродячего левита, навещавшего Цору обычно накануне Божьих праздников, они выучились некоторым молитвам и благословениям и произносили их всегда в одной и той же комнате, специально для этой цели предназначенной. Но нельзя обойти молчанием тот факт, что в одном из углов домашней молельни стояли два вырезанных из дерева идола – один изображал богиню Ашторет, другой – богиню Ашеру. Статуэтки достались Маноаху в наследство от отца на память о кочевой жизни семейства. Флалита рада была бы сжечь никчемные деревяшки, дабы не оскверняли жилище духом идолопоклонства, но остерегалась обидеть мужа. Поэтому скрыла их от глаз своих пучком соломы.

– Маноах! – раздался женский голос, и Флалита показалась в двери, – ужин готов!

– Иду, иду, Флалита, – отозвался Маноах, стряхнул с себя грустные мысли, разбросал мелкие камушки, из которых составил орнамент, легко вскочил с деревянного сруба, служившего ему местом отдыха, упруго зашагал к двери, и, проходя мимо милой женушки, не забыл одарить ее поцелуем в разрумянившуюся у очага щеку.

– Погляди вокруг! Нравится? Это мы вместе нарядили дом! – воскликнула Флалита и кивнула в сторону работницы.

– Замечательно! – человеколюбиво заметил Маноах, дивясь укрепленным на стенах венкам и крупным одиночным цветам, – какая красота!

– Ты можешь идти домой, – обратилась Флалита к помощнице, – вот это возьми, пожалуйста, с собой, – добавила она и протянула завернутый в листы хасы изрядный кус жареной баранины.

– Спасибо, госпожа, желаю вам с мужем приятно провести вечер! – галантно ответила и поклонилась женщина и выскользнула прочь.

– Взгляни-ка на стол, Маноах! Вот мясо – видишь, какие жирные кусочки? И зелень хороша, верно? Я поджарила пшеничные зерна, сначала размочила их в воде. Аппетитная добавка к этой косточке. В большом кувшине вино виноградное молодое, а в малом – сок из апельсинов. На сладкое испечен пирог с изюмом и финиками, как ты любишь. В корзинке лепешки. Можно макать их в уксус или полить сверху маслом – свежее и не горчит.

– Давай-ка, приступим поскорее к делу! – глотая слю-

ну нетерпеливо заявил проголодавшийся Маноах и приготовился раскладывать яства по мискам.

– Нет, нет, милый, лучше я сама – все по твоему вкусу сделаю!

– Какая ты замечательная хозяйка! – заявил утоливший первый голод мужчина, – все-таки здорово, что я на тебе женился!

Последние слова Маноах произнес для забавы, изрядно отхлебнув перед этим из большого кувшина, но вечно встревоженное сердце Флалиты не шутку усмотрело, а намек заподозрило. Остроумие, что пряность: лишнее зернышко – и пропал!

– Разве кушаньями я дорога тебе, Маноах? – прошептала Флалита, и слезы заблестели в глазах ее.

– Да ты не так поняла, да я не то хотел сказать! – бросился с утешениями Маноах и стал нежно гладить Флалиту по волосам.

– Ты добрый, Маноах, – всхлипнула Флалита, – вот уж год целый после десяти ты щадишь меня неплодную... Я так благодарна...

– Ну, всё, всё, угомонись. Никогда тебя не обижу. Видно, судьба наша такая.

– Неужто мы Господа прогневили? Мы самые богобоязненные в Цоре и людям зла не сделали! А до сих пор не пришло счастье, хоть и положено нам...

– Эх, кабы мир Божий велся так, чтобы каждому по положенному воздавалось! Только не было и нет того... Бог играет в кости...

– На Бога нельзя роптать. Я верю, и ты верь, Маноах, снизойдет на нас благодать небес. Будем молиться и просить о милости. Ведь нестарые мы.

– Да, будем молиться. Но пока давай-ка, выпьем с тобой вина – на душе повеселеет.

Они опорожнили свои кружки, потом еще раз, и нехитрое и многократно проверенное предсказание Маноаха сбылось: полегчало на сердце. Молодое вино – к молодой любви. Оставим пирующих наедине.

Глава 2 Милость небес

Ангел Пахдиэль задумчиво и вместе с тем нервно расхаживал по своей каморе в ожидании двух друзей. Предстоя-

ло обсуждение дела чрезвычайной важности. Здесь, на небесах, давно уж с тревогой взирали на царящее в земле Ханаанской неблагополучие. А точнее сказать, сердца небожителей болели за муки избранного народа и сочувствием и гневом наполнились.

Выпрямление кривды Господь вверил Пахдиэлю, выказав тем самым высшее доверие к одному из умнейших слуг-ангелов. Основательный в любом деле, Пахдиэль призвал советников – любимых друзей своих, несогласные мнения коих привычно схлестывались, и высекаемые столкновением искры выхватывали истину из тьмы неведения.

Собрался небесный совет, и Пахдиэль открыл дискуссию.

– Друзья, Бог оказал мне великую честь – отыскать причину бедствий Его избранных и вырвать с корнем цветы зла. Как и всегда, я апеллирую к пронизательности ваших умов, и, уповая на мощь сего рычага, надеюсь добраться до ядра предмета, дабы исполнить волю Творца. Начнем с основ. Огласим без утайки ведомое нам о жизни колен Израилевых в Ханаане и в Цоре в том числе. Прошу высказываться.

– Нечего тут говорить – бедствуют люди! – горестно вздохнул Первый друг, и слеза скатилась по щеке его.

– Верно, но общо, – заметил Второй друг, – факты помогут лучше душещипательных эмоций.

– Увы, доказательств бедствий слишком много! – взволнованно возразил Первый.

– Что вам конкретно известно, друзья? – старался Пахидель направить обмен мнениями в русло рациональности.

– Худшие из язычников сбились в банды и грабят на дорогах иудейских купцов, – начал Второй, – вдобавок еще и власти филистимские разбойничают – разоряют торговцев двойной пошлиной.

– Люди трудятся от зари до зари, а утробу насытить не могут! – воскликнул Первый, – бескормица, бедность. Порой, нечем наготу прикрыть. Младенцы мрут, матери плачут, мужи стонут, а мудрецов нет, ибо никто до старости не доживает.

– Филистимляне не позволяют израильтянам изготавливать железо, – заявил Второй, – и это хуже всего!

– Хлебушко нужен, – горестно усмехнулся Первый, – в рот не положишь твое железо!

– А вот и неверно! – вскричал Второй и в гневе топнул ногой, – с обладания железом начинаются и хлеб и свобода! Серп и орало, копье и меч!

– Не раскаляйтесь, друзья, – урезонивал Пахдиэль, – лишь холодный рассудок нам в помощь.

– Филистимляне истуканам молятся, а сами-то не истуканы! – заметил Второй, – не допускают иудеев до оружия.

– На сей раз не я, а ты не прав, – бросил Первый, – глупы язычники: себе в ущерб держат соседей на коротком поводке скудости – нечего у бедняков купить и продать голодранцам ничего нельзя.

– Думаю, коленам Израилевым не на кого пенять, – произнес Второй, – пусть сперва все кланы на землю осядут. Вот привыкнут к труду, и появится у них железное оружие, и войско сильное соберут, и одолеют кумирников и заживут хорошо.

– Во всем ты материю высматриваешь. Духовную причину искать надо! Грешны иудеи, творят злое в очах Господа, не блюдают заповеди и до сих пор идолов не забыли – куда уж хуже! Кара Божья – их удел справедливый, – возразил Первый.

– Плохо, что царя над ними нет, и праведных слишком мало, а нечестивых предостаточно, – добавил Пахдиэль.

– Вот-вот, – воодушевился Первый, – иудеям требуется царь ли, пророк ли, судья ли – но такой вождь, который уведет их с кривых путей и вселит слово Божье в крепколобые головы!

– Мудрено найти такого жожака. Задача потрудней, чем выучиться железо выделывать, или, скажем, алчных соседей обуздывать, – уныло заметил Второй, – все колена обойдешь, а вот сыщешь ли?

– Я думаю, не среди колен ближних и дальних искать надо, а своего праведника в Цоре растить с молодых ногтей, – догадался Первый, – близкий пример убедительнее!

– А я бы уточнил, – вмешался Пахдиэль, – не с молодых ногтей, а с колыбели!

– Да разве благочестивый вырастет в Цоре, обдуваемой окаянства ветром из соседней языческой Тимнаты? – усмехнулся Второй.

– Праведность не средой внушается, а наследуется! – про-

возгласил Первый, – нужно даровать младенца богобоязненной бездетной чете.

– А многодетная семья чем уступит? – ехидно спросил Второй.

– Бесплодные родители будут безмерно благодарны Господу за ниспосланное благо, и все силы положат, дабы воспитать Ему достойного адепта, – с важностью ответил Первый и поймал на себе уважительный взгляд Пахдиэля.

– Внушением не одолеть жестоковыйность. Зубы сломашь о твердокаменную природу людей. Вождь – человек, значит, не без изъяна, который рано или поздно грехом обернется. И недруги радостно поставят лыко в строку, и опорочат и низложат наставника! – провозгласил Второй.

– По-твоему, нет никакого средства? – осторожно спросил Пахдиэль.

– Есть средство! Железо, то бишь оружие. Сплотиться, учиться воевать и давать отпор!

“Во мнениях обоих советников я нахожу плодоносные зерна”, – подумал Пахдиэль и остановил диспут. Теперь ему предстояло все взвесить и принять решение. Несомненно од-

но – надо спускаться на землю. Ангел поднес разгоряченным полемикой друзьям чаши с прохладной водой из реки Пишон, сердечно поблагодарил их, и отпустил восвояси. Наблюдая, как они продолжают спор на ходу, принялся обмозговывать план действий.

Сквозь туман послепиршественного утра пробивались лучи сладких воспоминаний о ночи любви. К полудню Маноах собрался с силами и отправился в поле, прихватив с собой деревянные орудия землеша. Флалита уселась на сруб, накануне служивший мужу местом ожидания и отдохновения, и принялась доить заждавшихся коз. Рабов и наемников отправила на заготовку хвороста.

Тут случилось невиданное прежде. Солнце погасло, но за тучи не спряталось, небо почернело, но звезды не вспыхнули. Сверху вниз ринулся яркий смерч и, достигнув тверди, пропал. Светило опять засияло, и купол над землей вновь заголубел.

Перед Флалитой стоял человек – должно быть, вихрь принес его. Она разглядела крылья, которые тот старался спрятать под широким плащом.

– Кто ты и откуда? – спросила испуганная Флалита и подумала, что незнакомец сей явился с неба. Уж не гонец ли

Божий?

– Женщина! – не ответив на вопрос, напыщенно проговорил пришелец, – ты бесплодна и не рожаеть!

– Я не могу зачать...

– Ты зачнешь и родишь сына!

Флалита зарыдала, бросилась в ноги доброму вестнику – уверилась, что явился ей ангел Господень. Сквозь слезы восторга она бормотала слова благодарности, но вновь услышала категоричную речь

– Однако берегись, женщина – уничтожь идолов в доме твоём! И не пей вина, и не ешь нечистого!

– Я ела печень зайца... Согрешила...

– Это в прошлом. Бритва век не коснется волос сына, ибо назиром Божиим назначено быть ему, и от самого чрева твоего блюди святость чада. Он спасет народ Израилев от руки филистимлян.

Только смолк голос, как вновь закружил ветра столб и подхватил человека в плаще и унес на небеса.

Вожделенное свершилось, да так внезапно, точно обухом по темени! Флалита сидела ошеломленная: верить ли? Разумеется! Изумление – начало веры.

“То ангел пророчил мне, – бушевали мысли в голове ее, – не простой человек, не обманщик, не насмешник – Бога посланец! О, как огромна радость! Родится у нас дитя – сын! Как велика честь! Воздаяние за праведную жизнь? Нет, пожалуй. Ведь дети – любви сверкающий оттиск! Кто, как не мы с Маноахом, награды достойны – живем нестареющей страстью, негу ее вкушая!”

“Славная будущность чаду уготована. А мне выпало произвести на свет спасителя народного – как я горда! И Маноах благословит семьи великость. Однако чьим станет сын? Отца с матерью? Или небесам назначен будет? Родителям отдаст лишь узкий краешек сердца своего? Нищенское счастье для троих...”

“Впрочем, ярмо назира гнетет умеренно – не пить вина, не стричь волос и мертвых не касаться. На любовь запрет не наложен – вот главное. Ах, глупая! Наконец-то в печаль нашу солнце ворвалось, а я тень ищу!”

Маноах вернулся с поля. Флалита кинулась ему на шею, плача от радости. Угомонившись, рассказала мужу, что бы-

ло, что слышала, что говорила, что думала. Слезы высохли, и Флалита уставилась на Маноаха сияющими глазами и ждала ликования в ответ.

Выслушав жену, Маноах придал лицу блаженное выражение и долго сохранял его, погрузившись в размышления и пробиваясь к сути и подоплеке новых счастливых и, возможно, скандальных обстоятельств. Не проронил ни слова, однако: сомневаешься – молчи! Темны пути мужского постижения вещей.

“Неужто настанет конец одиночеству нашему, и мой род не умрет со мною вместе, и на Флалиту такая же благодать снизойдет? Огромная радость! – думал Маноах, – но как странно случившееся! Ангел слетел на землю? С какого неба? Воображению моему не под силу усвоить диковинное. Ни скитания, ни труд крестьянский не приучают к вере в чудеса. А женщины доверчивы. Я не таков”.

“Позор мне – подозревать супругу. А разъяснить дело надо. Почему доброхот пришел к жене, а не к мужу? Неслышанно! Хотя, если он и впрямь небесной крови, то не диво, что кинулся к Флалите, уроженке колена богоугодного. Или виновником бездетности он мнит меня и потому избегает, гордость мою щадя? Мол, не взял вторую жену, не доказал свою силу!”

“А, может?.. Нет, нет, прочь дурные мысли! Зря я терзюсь. Богу нужен человек благочестивый, назир. Что придет в голову ангелу? Ясное дело – найти праведную бездетную чету: святость дитя унаследует, а уж благодарные отец с матерью уберегут сына от греховных соблазнов”.

“А все же, чье семя? Мое? Мнимого небес посланца? Еще кого-то? Жаль, не припомню, когда в последний раз у Флалиты было обычное у женщин. Спрашивать не стану, чтоб не почуяла недоверия. Хватит голову ломать. Я должен свести знакомство с этим ангелом Господним, и дело разъяснится!”

Маноах стал горячо молиться Богу, просил вновь прислать того пророка, чтоб научил, как чадо для высокой цели правильно растить. И пусть бы говорил Его гонец не только с Флалитой, но и с ним тоже. Думал про себя: “Женский ум – хорошо, а мужской добавить – каши не перемаслишь!”

И услышал Господь голос Маноаха. И вот, во второй раз явился ангел к Флалите. Она чутьем понимала тревогу мужа, и потому, как увидела посланца небес, бросилась за Маноахом.

– Это ты говорил с сей женщиной, моею женой? – спросил Маноах, глядя на пришельца испытующим, внешне твер-

дым, но полным скрытого страха взглядом.

– Я! – прозвучал отчасти дерзкий ответ.

– Да сбудется слово твое, что жене сказано. Укажи, как поднимать дитя.

– Господом назначен сын твой искоренять злое в сердце народа, и спасет он единоверцев от руки филистимлян. Назиром воспитай чадо – чтоб вина не пил, волос не стриг и мертвых сторонился. Он под моим призором будет.

– О, какую благодарность мне изобрести? Погоди, изжарю козленка!

– Не стану трапезничать с тобой, ибо безвозмездно пророчество. Лучше принеси Богу жертву всесожжения.

– Откройся, как звать тебя. Читть станем, лишь сбудется предсказанное!

– Что в имени тебе моем? – горделиво воскликнул ангел и растворился в воздухе.

Не медля, Маноах устроил жертвенник на скале, огонь поглотил козленка, и пламя вознеслось к небу – это Бог подал

знак, что одобрил подношение. Мужчина и женщина пали лицом на землю.

Пропали сомнения Маноаха – посланником Всевышнего был незнакомец: неприступен, имя не открыл, трапезничать не стал, и, главное, принесенная по его указке жертва принята Богом. Взяв всё это в соображение, бледный от страха Маноах заявил Флалите, что они сейчас умрут, ибо видели посредника Господня. Но жена успокоила мужа – не смерть, а жизнь впереди, иначе как осуществится задуманное Богом?

Маноах окончательно уверился в честности Флалиты, но крошечное терние ревности осталось в сердце навсегда – как беспокойство от зажившей раны.

Глава 3 Становление

По слову ангела Господня понесла Флалита. Пока тяжелая была, не брала в рот ни ягод виноградных, ни вина и ни сока из них. И всякую пищу некошерную – нечистую, как назвал ее посланец Божий – запретила в дом вносить. Разрешившись от бремени, продолжила блюсти строгость новой жизни и того же добилась от супруга и, впоследствии, от сына.

Исполняя веление ангела, жена привела мужа в молельную комнату и указала перстом на клочок высохшего сена в углу. Маноах понял без слов. Он отодвинул солому, поднял с полу двух деревянных идолов и уставился на них скорбным

взором. Неизбежно расстаться с памятью прошлого. Цена обретения – отречение. Сочтем новое великим, а старое ничемным – и смирим боль перерождения. Собственной рукою Маноах швырнул деревяшки в огонь.

Шимшон – так называли новорожденного. Маноах и Флалита утверждали, что избрали это имя, потому как оно происходит от слова “солнце”. Ученые авторитеты прошлых веков и их современные эпигоны в большинстве своем согласны с версией родителей. И в самом деле, разве с появлением на свет младенца в прежде печальном бездетном доме не отворились окна навстречу солнечным лучам? Да и великой миссии Шимшона имя это отвечало вполне.

Как и положено, на восьмой день жизни малютки острием ножа на нежном теле был оставлен знак завета между Богом и народом Его. Некий странствующий отшельник помог Маноаху осуществить заповеданное деяние с предписанной канонам скрупулезностью. Этот же подвижник веры обучил родителей Шимшона неизвестным им прежде молитвам. Отказавшись от платы, пошел своей дорогой Божий человек, лишь ломоть хлеба да кусок овечьего сыру согласился принять.

Шимшон явил аппетит необычайный. В грудях у Флалиты не доставало молока, чтобы насытить прожорливого крошку,

и в помощь матери были призваны две кормилицы. На зависть соседям, друзьям и недругам, невероятно быстро росло и развивалось дитя. Широкие кости, крепкие мускулы, дубленая кожа. Буйные волосы малыша мать заплетала в косы, памятуя остережение ангела. В четыре года мальчонка легко удерживал за рога крупного козла. В десять лет ловко жонглировал тяжелыми камнями, какие Маноах с трудом отрывал от земли.

Не только силой и проворством превосходил Шимшон одноклассников, но и хватким умом отличался среди сверстников. Мальчишки любили ходить с ним в лес и в поле. Он помнил все тропинки, умел отыскивать грибы и целебные коренья находить, по полету и голосам пернатых определял, где их гнезда, и расставлял поблизости силки, а потом освобождал птичек и выпускал на волю или дарил товарищам.

Как-то помогал Шимшон отцу в поле, и заметил родитель, что отпрыск его загляделся на проходившую по меже девочку. И в другой, и в третий раз случилось подобное. Маноах поделился наблюдениями с Флалитой. Мать не огорчилась: “Нет ничего худого. Видно, сердце его щедро. Много любви в жизни изведает!”

Маноах и Флалита не могли нарадоваться, глядя на зреющий плод. Законное тщеславие переполняло родительские

сердца. Но ни на день не забывали отец с матерью великое сына предназначение – темную тучу на небосводе счастья. “Для кого растим дивное наше чадо?” – спрашивали они себя, – нам ли на радость? Ему ли в благодать? А, может, во славу родов наших? Бедно то детство, что приносится в жертву зрелым годам!” Но стучали в уши речи ангела Господня, напоминая ответ на праздный вопрос.

Чем краше становился отрок, тем тяжелее было отцу с матерью сносить мысли о неотвратимости утраты и тщете надежд. Юный Шимшон примечал свою необычность, задумывался о будущем и вызывал отца на разговор. А тот, встав на цыпочки, гладил отрока по голове и отвечал: “Потерпи, сынок, скоро разъяснится дело!”

– Не обманул ли нас Господь? – мрачно вопрошал жену Маноах, – для собственной пользы играл сердцами верных рабов своих! Что нам, людям простым, до Его дел вселенских? Неужто судьба разлучит нас с Шимшоном? Где справедливость?

– Надо успевать наслаждаться детьми, покуда малы, – возразила Флалита, – наверное, так мир ведется. А на Господа роптать – грех! Или невдомек тебе, что Его польза – в нашей?

– Этого не постичь голове моей. Приму на веру, и полегчает на душе. Смиримся оба.

Исполнилось Шимшону тринадцать лет – Флалита считала, а уж она-то не ошибется! Дом приготовился встретить торжество. Молельная комната празднично украшена. Работники разошлись. Соседи-бедняки принесли жалкие подарки в зажиточный дом, ждут угощения. Виновник торжества вымахал под потолок. Смущен своей огромностью. Серьезен – взрослая жизнь впереди.

Отчего в день столь радостный морозец тревоги пощипывает родительские сердца? Будто стучится в них предчувствие неизбежности, словно пришло время уравновесить счастье невзгодами.

Гости разошлись. В парадной горнице за столом сидели трое. Отец держал сына за правую руку, мать – за левую, смотрели на свое совершеннолетнее чадо и наглядеться не могли. Неизбежно расстаться с детством, а потом и с юностью. Молчали. Дети не должны знать, как дороги они тем, кто их воспитывает.

Тут повторилось давнее, но не забытое Флалитой. Солнце погасло, но за тучи не спряталось, небо почернело, но звезды не вспыхнули. Сверху вниз ринулся ярый смерч и, достигнув

тверди, пропал. Светило опять засияло, и купол над землей вновь заголубел.

– Мир дому сему, и благоденствие обитателям его, – проговорил слетевший с неба ангел Божий и вперил в Шимшона пристальный взгляд.

Флалита и Маноах поклонились до земли, и их сын-богатырь последовал примеру родителей, не зная пока, кто есть сей пришелец.

– Мы поднимали Шимшона, блюдя все указы твои, – дрожащим голосом произнесла Флалита.

– Парень рос в святости, настоящий назир, и к великой будущности приготовлен, – вторил жене Маноах.

– Рано судить о зрелости его. Настала моя очередь наставлять спасителя, – твердо заметил ангел, ловя на себе вопрошительный взгляд юноши, – сегодня же ты многое услышишь от меня, Шимшон!

– И мы услышим? – дружно воскликнули Маноах и Флалита.

– Мои беседы с Шимшоном будут происходить с глазу на

глаз, в пещере за городской стеной Цоры. Пойдем, парень!

Сын уставился на отца с матерью. Глаза его выражали удивление, сочувствие, превосходство. Ангел взял Шимшона за руку и молча увлек за собой. Через открытую дверь видны были две удаляющиеся фигуры. Маноах и Флалита впервые ощутили себя стариками.

Зажженная ангелом масляная лампа силилась рассеять мрак внутри пещеры. Тусклый свет утомил летучих мышей. Таинственность и гулкая жуть вокруг не испугали Шимшона – он вообще не ведал страха. Ему, сильному и умному, никогда и ничего не казалось угрожающим или опасным. Ангел с удовлетворением отметил про себя уверенность ученика.

– Шимшон, ты назир, и таковым пройдешь путь жизни своей. Богом назначено тебе судить и пророчествовать, истреблять маловерие в среде иудеев и спасти народ от руки язычников! – без предисловий заявил ангел.

– Я горд и я готов! Но ты кто такой, как звать тебя? – не робея, спросил Шимшон.

– Я – ангел Пахдиэль, посланец Господа. Имя мое храни в тайне. Даже от отца с матерью!

– Почему?

– Такое имя лишь ангелу дается, родители же твои хоть и праведники, но люди заурядные. Что если тщеславием соблазненные, проговорятся, мол, сын с Пахдиэлем якшается? Скажут завистники: “Вранье! Дому этому удачи чересчур, еще и ангел Божий к ним сойдет? Лживая семейка, все, как один, бахвалы и обманщики!” Не поверят люди сейчас – не захотят верить и потом, когда пророчить и судить станешь.

– Буду молчать, но меж мною и родными тенью ляжет тайна.

– Не последняя она. Неизбежны секреты у пастыря от стада. Уповать на прямоту – остаться с носом!

– Ты и меня той же пядью мерить станешь?

– Э-э-э-э! – красноречиво ответил ангел, погрозив юному собеседнику пальцем, и впервые улыбнулся, – ты смысленный малый, Шимшон, хвалю!

– Я вырос наособицу. Не знаю, что делать с этим.

– Три достоинства Господь припас для человека – муд-

рость, силу, геройство, – продолжил Пахдиэль, – не каждому и не даром дар сей дается. Удостоенный награды, обязан употребить ее на богоугодные дела и тем воздать Всевышнему.

– Мне только тринадцать лет...

– Будем вместе трудиться. Чтоб судить и наставлять – надо знать и уметь. Ты умен и силен от Бога, а я просвещу тебя, и научишься кривду от правды отличать.

– Говори, Пахдиэль.

– Славно живут язычники-филистимляне, не так ли? Веселы, всегда пьяны, охота да разбой, блудом утоляют похоть, сыты и довольны.

– Чего ж еще желать? Есть, у кого учиться!

– Нет, Шимшон! То-то и горе, что иудеи тянутся за ними. Безверие и разгул ведут в ад. Всевышний дал законы своему народу. А как вы существуете на земле? По ночам друг у друга межид передвигаете. Гоните скот на потраву к соседу. Пастух убьет землепашца и за грех не почтет. К труду не привержены. Урожай без ссоры поделить не умеете. И молитесь вы без рвения и заповеди не блюдете. Не диво, что вас

язычники утесняют. Да что и говорить...

– Понимаю, Пахдиэль – худо мы живем. Но привычному оку трудно разглядеть.

– Вот я и открою тебе глаза. Еще много раз мы с тобой встретимся.

Должен ли Шимшон разуметь грамоте? Много раз Пахдиэль задавал себе сей непростой вопрос. Он ухватился за паллиатив. Мимоходом заметим, что в те давние времена слово это не было в ходу, но умение найти временный ответ к задаче, оставив ее неразрешенной, уже существовало.

Иначе говоря, Пахдиэль задумал выучить питомца читать. А если тот выкажет абсолютную благонадежность, то можно будет перейти к письму. Беседы с Шимшоном и наблюдения над ним давали ангелу основания не только для оптимизма, но и для тревоги. Опасность чтения ограничена лишь разумением полуграмотея, но умение писать куда коварнее – рисованием букв можно многих заразить крамолой. Впоследствии Пахдиэль хвалил себя за осторожность.

С первых же опытов судейства Шимшон выказал понимание своей роли и рвение в исполнении ее. Ворам не было спуска – к ним молодой судья столь энергично прилагал

свою огромную силу, что навсегда отбивал охоту разживаться за чужой счет. Судья умерен, когда боится потерять место. А назирю нечего было опасаться – у него от Бога миссия. В низкие души обидчиков слабого пола он вселил страх возмездия. Раз, выпив вина без меры, некий удалец овладел юной девой, не знавшей мужа. Обесчещенному отцу пострадавшей Шимшон предложил самому выбрать кару для насильника – побить камнями или взыскать выкуп. Расчетливый родитель избрал второе средство.

Тут к месту упомянуть о благорасположении Шимшона к женской прелести. Во время бесед в пещере Пахдиэль не без тревоги замечал, как от года к году крепчает это свойство, рвется наружу и ищет приложения. Ангел полагал, что интерес воспитанника чрезмерен и может повредить его репутации. Да и карающая длань начинающего судьи бывала порою чересчур тяжела, и невольно нарушалась заповедь назира сторониться мертвых.

Проснувшееся в Шимшоне тщеславие не нравилось Пахдиэлю. Его настораживало в ученике упоение силой и звучащие порой нотки превосходства над обычными людьми. Ангел невольно вспоминал остерегающие слова Второго друга-советчика: вождь – человек, значит, не без изъяна...

Маноах и Флалита с бессильной грустью наблюдали, как

недюжинно одаренный и нацеленный на великие свершения Шимшон отдалается от них, людей заурядной судьбы. Себя жалели, но более всего кручинились о сыне, на одиночество обреченном.

Пахдиэль выучил Шимшона чтению. На привозимом египетскими купцами папирусе ангел записывал деяния ученика. А тот, не опасаясь гнева писца, в простоте своей любил заглядывать ему через плечо.

– Мои подвиги ты приукрашиваешь на величину твоего мнимого участия! – ехидно заметил как-то раз Шимшон.

– Не умничай! Разговорился ты, однако, – сердито рявкнул Пахдиэль, – не для тебя, юнец, для потомков пишу! Не серой правдой, а ярким словом вера крепка!

Глава 4 Смуглянка

Годы шли. Пахдиэль частенько навещал Цору. Поручение Всевышнего нужно исполнять, продвигаться вперед, и каждый Божий день должен становиться шажком на пути излечения колен Израилевых от маловерия и избавления их от гнета язычников. Избранный ангелом для достижения высокой цели назир – субъект порой непредсказуемый, и требуется пригляд за ним. Поэтому, слетая с небес, посланец Господа уводил Шимшона за собой в пещеру учения.

В известной мере Пахдиэль был удовлетворен усилиями Шимшона-судьи, который крутым обхождением вбил в головы жителей Цоры сознание неотвратимости суровой кары за грехи. Это достижение имело два благоприятных действия, одно большое, другое – малое. Большое действие состояло в том, что страх наказания достаточно часто удерживал вероятных злоумышленников в рамках смирного поведения. Малое действие выразалось в фактах, к сожалению слишком редких, превращения страха в богобоязненность, столь недостававшей жестоковейному народу.

Если такие деяния Шимшона, как судебная практика и духовное исправление единоверцев с большим или меньшим успехом осуществлялись им, то труд освобождения иудеев от филистимских цепей не был начат. Это обстоятельство беспокоило молодого судью, сознававшего неполноту воплощения в жизнь предписанной ему миссии. Лишь глупец радуется половине пройденного пути. Надо ли говорить, сколь сильно тревожился Пахдиэль!

К филистимлянам Шимшон относился неоднозначно. Жадная, буйная, многообразная в своих проявлениях сила молодого тела тянула его к радостям языческого жизнелюбия, то есть в сторону, противоположную от аскетизма веры праотцев. Однако мрачно довлела мысль о неисполняемом Божественном предназначении, угрюмый долг грыз душу и

побеждал ее. Назир все думал, как соединить несовместное.

Не раз и не два доводилось Шимшону бывать в городах филистимских. Манили наслаждения любви с искусными в этом занятии язычницами. Отца с матерью он не посвящал в свои тайны, а те делали вид, что ничего не ведают. Поскольку в намеке всегда есть безобидная капелька яда, они невзначай напоминали сыну о положительных сторонах женатой жизни и противоположных свойствах холостяцкого бытия. С горячей благодарностью Шимшон встречал родительские советы, неизменно обещая всерьез обдумать их.

Как-то в Азе увидел Шимшон смуглую девушку с короткими черными кудрями и дерзким призывным взглядом и возжелал ее. Он прочел в глазах красавицы восхищение его статью и обещания неги. Не теряя головы, благоразумный назир расспросил о ней. Сказали ему люди, что она – любимица сынков местных богачей. Кушит, так звали глазастую прелестницу, попросту говоря, была дорогой блудницей, что ходила по рукам, и связью с нею гордились друг перед другом лихие бонвиваны города Азы.

“Похоже, возгорелась в сердце Кушит страсть ко мне, – размышлял Шимшон, – или любопытствует познать иудея любовь. Проведу с ней ночь наслаждений. Жеребцы необрезанные озлятся, станут обижать девчонку за всеядность и на

меня посягнут. Защищать себя и Кушит – чем не справедливая причина начать избиение филистимлян?”

Шимшон поделился планом с Пахдиэлем. Ангел был доволен весьма: не забыл ученик великое предназначение свое! Пусть не стоек он против женских чар, зато умеет из слабости пользу извлечь. Пахдиэль внес важное добавление в проект. Необходимо снять массивные железные засовы с ворот Азы. Из металла иудеи изготовят наконечники для копий, и появятся у Шимшона боевые соратники во всеоружии.

Задумка хранилась в тайне. Неведомо и по сей день, как Флалита прознала о намерениях Шимшона. Может, он во сне проболтался? Так или иначе, для начала разговора мать подступилась к сыну с похвалой.

– Молодец, дружок, не пьешь вина, как и положено назирю!

– Да что ты, мама, я и мыслей таких не держу!

– Правильно! Не зря люди говорят – пьющего к блудницам тянет. А тебе не подобает!

– Конечно...

– Молодец, сынок!

– Прилагаю старание...

– Хватит темнить, Шимшон! Не ходи к Кушит! Она чужая, да еще и распутная! Мы с отцом сосватаем тебе красивую честную девушку из наших, и женись на ней!

– Не тебе, Флалита, отменять замысел, Господом подсказанный! – воскликнул оказавшийся поблизости Пахдиэль.

– Пойдем, женушка. Нам, слепым кротам, из темной норы светлое не видать, – с обидой заметил Маноах.

Родители удалились, а сын неодобрительно поглядел на наставника.

На ночь глядя Шимшон явился в Азу. Первым делом осмотрел ворота. Не только засовы массивные из железа отлиты, но и бревна дубовые щедро окованы полосами металлическими, крепко-накрепко к дереву привинченными. “Справлюсь!” – усмехнулся силач.

Вот и жилище Кушит. Красавица стоит на пороге, ждет. Сияют глаза фемины, зовут Шимшона в дом. Он вошел. Тускло светит масляная лампада. У стены виднеется ложе.

На нем она примет гостя. Благородная скромность удерживает нас от изображения ближайших событий. Стыдливость и пуританское воспитание диктуют нам честно закрыть глаза и крепко заткнуть уши. Воображение и опыт помогут любопытству.

Утолив начальный голод, богатырь задремал. Он не мог позволить себе глубокого сна – не окончена первая и сладостная половина плана, а вторая и суровая даже не начата. Вдруг из темноты улицы раздались грубые крики – это толпа любовников прекрасной Кушит вызывала Шимшона на расправу. “Как скоро узнали, дьяволы, что я здесь, – подумал он, – не иначе – работа Пахдиэля, подстрекнул для верности!”

Однако делать нечего. Шимшон оделся, наскоро поцеловал на прощание Кушит и нырнул в ночной мрак. Тут же на него ринулись несколько филистимлян, повисли на мощных плечах, пытались повалить на землю. Он легко стряхнул с себя незадачливых мстителей. Кого-то убил, кого-то покалечил. На соседней улице замелькали факелы. Время терять нельзя. Шимшон бросился к городским воротам. Вопли и огни приближались. Недосужно отрывать железо от бревен. Как быть? Шимшон присел, уперся ногами в землю, обхватил одну половину ворот и могучим рывком стащил ее с петель. Проделав то же со вторым створом, он взвалил добычу

на широкую спину и растворился в темноте.

Шимшон спрятал ворота на горе в надежном месте, чтобы в другой раз придти и без помех снять железо и унести в Цору. Ангел поздравил Шимшона с героическим завершением дела: “Славное начало, добрая ссора, конец лицемерному миру! Филистимляне не извинят обиду, а ты не простишь недопитого нектара любви. Аза лишилась ворот и беззащитна!”

В этом пункте повествования не лишним будет обсудить вопрос точности в изображении подвига Шимшона. Мог ли человек, пусть даже наделенный силой необычайной, сорвать с петель сбитые из дубовых бревен и окованные железом ворота? А уместить их на спине? И волочить на себе невероятную тяжесть в одиночку, да еще и в гору? Нет ли здесь преувеличения? Если поступки героя приукрашены, то выигрывает легендарность, но страдает достоверность.

Какими свидетельствами мы располагаем? Основа заложена писаниями Пахдиэля, свойства которых нам известны из предыдущей главы. Духовные эксперты, которые вслед за ангелом изучали предмет на протяжении трех тысячелетий, усилили фантастичность деяния. Наиболее патриотичные из них даже утверждали, что ширина спины национального героя составляла 60 локтей. Рациональный ум современного

читателя не примет столь явное преувеличение. Нам остается надеяться, что будущие исторические находки приоткроют завесу над тайной.

Заметим, что за исключением эпизода с воротами Азы, ни одно из описанных до настоящего момента событий не вызвало сомнений в своей реальности. Однако по ходу дальнейшего изложения нам предстоит столкнуться с некоторыми вещами, могущими возбудить осторожную неуверенность. Что делать? Не располагая достоверностью – удовлетворимся вероятностью!

Глава 5 Мед ешь, да жала берегись

Инцидент, или, согласно широко распространенному мнению, подвиг Шимшона в Азе имел самые выгодные последствия для воплощения в жизнь его великой миссии, а также и для него самого. Вражда меж двумя народами стала чаще выражаться в насилии с обеих сторон. Шимшон собственноручно избивал наиболее агрессивных кумирников и, конечно, преуспевал в этом занятии. С дубовых ворот Азы, не выдержавших испытания на крепость, были содраны ставшие бесполезными железные атрибуты. Их перековали и придали им благородную форму наконечников для копий. Рекрутированный из филистимлян наставник военного искусства обучал самых способных юношей владению оружием.

Проведенные с Кушит краткие часы восторга произвели неизгладимое действие на кипучую натуру Шимшона. Он принял решение жениться. Казалось бы, сокровенное желание Маноаха и Флалиты близко к исполнению – найдут чаду достойную пару, сыграют свадьбу и, счастливые, станут дожидаться внуков. Но ёж останется колюч, даже если добр и иголки прижмет.

Шимшон высмотрел себе невесту в Тимнате – в цветущем филистимском городе, что по соседству с бедной Цорой. Имя избранницы – Нимара. Мать пропела сыну знакомую обоим песню: мол, зачем тебе чужая, своих, что ли мало? А Шимшон возразил с серьезным лицом, дескать, преступление в самом себе кару несет. Да разве старые родители, люди простые и немудреные, сыщут увещания для молодого и умного дитяти – судьи, почти пророка? Слава Богу, жизнь научила отца с матерью находить утешение. Во-первых, в те давние времена земля Ханаанская хоть и не приветствовала, но признавала разноплеменные браки. Значит, люди не осудят, и молва пощадит. Во-вторых, не блудницу Кушит он берет в жены, а честную девицу Нимару. И, в-третьих, род невесты благородный, а семья богатая.

Пусть не покажется читателю странным то обстоятельство, что знатный и зажиточный филистимлянин Синеи, отец Нимары, готов был породниться с иудеями. Как и вся-

кий язычник, родитель невесты не усматривал неправильно-сти в том, что у чужого племени есть свое божество – такими были взгляды в духовно неразвитой древности. Лишь через много веков, когда удалось изгнать идолопоклонство из голов людских, презренная толерантность сменилась достойной нетерпимостью к неправильной вере.

Сине́й придал значение росшему на глазах авторитету Шимшона, и кто предскажет, какие высоты покорит сей юнец, и не подчинит ли иудейская Цора филистимскую Тимнату? Вот и пригодится плебейское родство. Хочешь съесть ядрышко – разбей орех!

Правда, Шимшон набедокурил в Азе и лишил жизни немало соплеменников Синея. Но не стоит брать во внимание пустяки, когда мощны тимнатских вельмож, к коим принадлежал Сине́й, много весомее кошель захолустных азатинских богачей. Золото – сила, а слабейшему сострадай в меру!

Взвесив про и контра и приняв решение, Сине́й спохватился и велел привести Нимару.

– Видала ли ты, дочка, суженого своего?

– Издалека, отец...

– Сильного и умного нашел тебе. Довольна ли моим выбором, Нимара?

– Он такой огромный... Мне страшно...

– Не бойся. Будет хорошо. Слюбится – стерпится!

Настал день сватовства. Сын и отец с матерью отправились в Тимнату к Синею. Родители пошли короткой дорогой мимо садов. Флалита не захотела, чтоб виноградный дух бередил ноздри назира, и указала Шимшону длинный путь через лес и поле. А ему того и надо – на безлюдном просторе нет-нет да выйдет приключение, и представится случай обнаружить мощь богатырскую. Обожал великан играть силой, сотворять такое, что другому невпотяг, наслаждаться мыслью о единственности своей.

Шимшон увидал, как стая крупных птиц кружит над опушкой, должно быть, углядели добычу – сусликов, мышей полевых. Хищник небесный схватит зверька и несет в гнездо, где птенцы орут, жадно и широко разинув клювы. Один кормилец улетит с добычей, другой тут как тут – богатая кормом поляна, всех пернатых насытит.

Вдруг из высокой травы показался молодой лев. Мускулы

на спине и лопатках перекатываются, грудь могучая. Грива не царская пока, нарастает только, зато лапы мощные, ставит их дерзко. Взошел на опушку, спугнул птиц, разлегся, зевнул, обнажив клыки. “Вот оно, приключение!” – подумал Шимшон и бесстрашно вышел навстречу льву.

Завидев храбреца, зверь обрадовался неминуемой схватке не меньше двуногого противника – казалось, едины были мысли и страсти обоих, и сердца бились в унисон. Оба жаждали борьбы и не сомневались в победе, каждый в своей.

Сошлись близко-близко. Лев поднялся на задние лапы, чтобы сравняться ростом с человеком. Раскрыл пасть, готовясь оглушить страшным рыком неразумного смельчака, но лишь хрип успел вырваться из луженого горла. Одним молниеносным движением Шимшон решил судьбу боя. С невероятной силой он ударил кулаком-молотом по львиному черепу и сломал шею врагу. Поднял его, еще живого, просунул мощные ладони меж безжалостных челюстей и разорвал голову зверя, и тот рухнул на землю бездыханный.

Душа героя ликовала. Он присел на торчащий из земли корень большого дерева передохнуть после славного сражения. Отдышавшись, встал, сделал дюжину широких шагов и оглянулся. Птицы вновь слетелись. Громкими криками справедливого негодования огласили они округу. Мертвый лев

распластался на том самом месте, где обитали грызуны, и крылатые добытки не могли подобраться к норкам зверьков. Но разве звериный труп – плохая пожива? Слетелись тучи пернатых, небо почернело от крыльев. В ярости птицы набросились на мертвечину и принялись когтями и клювами рвать шкуру и мясо. Точно обезумев, они за час растерзали падаль и оставили под горячим солнцем чисто обглоданный скелет.

Вблизи ворот Тимнаты сошлись дороги Шимшона и родителей. Маноах и Флалита заметили, как сияет физиономия сына, но спрашивать ни о чем не решились: приучены были отказывать себе в проявлении интереса. Огрызнется – обидно, а ответит – так не всерьез. “Это все ангел дьявольский настропалил сына против нас!” – сурово размышлял отец. “Предчувствует, небось, сладкие ночи с Нимарой, вот рожа-то и светится!” – ласково думала мать.

Если бы вдобавок к прочим своим доблестям Шимшон умел читать мысли, то неминуемо признал бы, что оба родителя были отчасти правы. Ему ужасно хотелось рассказать о победе над львом – разве не подвиг это, или не резон для семейной гордости, а то и подножие будущей славы? Однако Шимшон держал язык за зубами, ибо помнил строгое наставление Пахдиэля – не открывать рта, не посоветовавшись с ним. Впоследствии верный ученик заработает заслужен-

ную похвалу наставника за проявленную выдержку.

Брачные переговоры начались, продолжились и завершились успешно. Синей с супругой сидели по одну линию стола, Маноах с Флалитой – по другую. На снабженные спинками деревянные лавки были положены для мягкости подушки. По настоянию матери жениха кувшины с вином были убраны. Других недопониманий между сторонами не возникло.

Обсуждение происходило в духе обычаев эпохи. Быстро удалось достичь согласия в отношении имущественных и правовых аспектов предстоящего события. Его эмоциональные грани сверкали в другой части горницы, где жениха и невесту усадили напротив друг друга на незатейные лавки без подушек и спинок. Хрупкая Нимара трепетала всем существом и пыталась из-под стыдливо опущенных глаз незаметно взглянуть на судьбу свою. Могучий Шимшон смотрел на избранницу открытым взором. Со стороны могло показаться, что мысли их витают в совершенно несхожих мирах, а на самом деле они думали об одном и том же, но каждый по-своему.

Был назначен срок свадьбы. О ней самой и о последующих перипетиях мы поведаем ниже. А пока пусть семьи занимаются основательной подготовкой к торжеству. Оно должно

запомниться простым людям, ибо вступают в брак отпрыски лучших домов Цоры и Тимнаты.

Спустя несколько времени Шимшону захотелось взглянуть на поприще недавней доблести, и он отправился на знакомую опушку. Выбеленный солнцем скелет убитого льва лежал на том же месте. Меж ребрами что-то темнело. Приглядевшись, увидал – это пчелы соорудили улей. Накануне достопамятных событий на этом месте был другой улей, но птицы, в остервенении терзавшие тело мертвеца, разрушили пчелиное сооружение. А кругом тысячи цветов, и невозможно насекомым не собирать с них нектар, вот они и отстроили заново хранилище плодов неперемного своего труда.

Шимшон сорвал с дерева большой плотный лист, свернул его растробом, зачерпнул, сколько мог, меда и зашагал обратно домой, вдыхая чудный аромат. Во дворе перелил густую золотистую жидкость в чашку, поставил ее на стол, положил рядом три ложки и кликнул отца с матерью. Втроем ели чудный дар природы. Сердца Манаоха и Флалиты ликовали: “Он думает о нас, помнит, не забыл своих стариков за делами великими Божественными!” Съели мед, исчезла сладость во рту, и пришла мысль: “Неизбежно отступится от породивших его и прилепится к жене своей, филистимлянке этой...”

Шимшон рад был угодить родителям, ибо тяготило его отчуждение. Ему хотелось поведать, историю меда, а отца с матерью разбирало любопытство, откуда взялось угощение. Но все ели молча. Старики не имели смелости задавать вопросы, сын – упреждать их.

Пахдиэль, когда узнал о брачных намерениях Шимшона, весьма порадовался. Похоже, ангел что-то замыслил. Подвиг убиения зверя голыми руками привел его в восхищение. Он похвалил питомца, сумевшего обуздать тщеславие и хвастовство. Довод знакомый: хоть раз усомнятся люди – век не вернешь доверия. “Сказ о льве и о мёде побережем пока, в будущем он поможет свершению твоей миссии на земле!” – сказал Пахдиэль и принялся записывать в Книгу Вечности новые факты. Следуя обыкновению неистребимой пытливости, владеющий искусством чтения Шимшон заглядывал писцу через плечо.

– Что ты такое пишешь, Пахдиэль? – рассмеялся Шимшон, – не построят пчелы свой улей в гниющем трупе – ведь они сторонятся зловония! Не знаешь этого? Сразу видно, нет у вас на небесах меду! Ведь не так я тебе рассказывал!

– Ты прав, юноша, – сердито ответил посланец Господень, – я перепишу.

Но не исправил Пахдиэль ошибку. То ли забыл, то ли подумал, мол, что написано – то и правда, и будет пища для мудрости, а загадка всегда хороша. К слову заметить, ниже пойдет речь о другой загадке.

Глава 6 Женитьба

Книги думают за нас. Писано в них, как чудо любви соединяет молодые сердца из враждебных сторон, и прекращается война, и останавливается зло. Но пером сочинителя водит жизнь, а она не данница добра, и посему не каждый такой союз служит к благу – бывает, и к худу. И рассказам о печальной развязке непременно находится место на пожелтевших и на свежих листах.

Синей истинно желал мира с соседями. Почему не помочь им, оплошным? Пусть Цора богатеет – будет с кем торговать, и всем нажива. Маноах и Флалита пеклись о семье, и женитьба сына сулила долгожданные радости. И уж забывать стали родители героя, что надлежит им гордиться великим посланничеством отпрыска. А Шимшона душа расщепилась надвое на крутом повороте судьбы. Любви хотелось судье молодому, но и от чести спасителя народного нельзя отречься.

Язычники угнетали иудеев, и идеал назира – восстановить достоинство избранных Божьих. Это не вся миссия Шимшона, но важная часть ее. И коли к вожделенной вершине мир приведет быстрее, чем война, и уж тем паче скорее, чем

возврат к строгой вере, то отчего не жениться на Нимаре? Ведь женитьба сулит процветание! И недурно бы взять передышку от деяний горних.

Пахдиэль – ангел единой цели. Он не менее Шимшона рад близкой перемене, однако, не звучит в ушах его романтическая нота события, другие аспекты которого, как уверен посланник небес, непременно послужат делу. Влюбленный мечтатель – праздное дитя. Сочетание браком есть зыбкая опора для мира меж недружественными племенами, ибо такое основание легко расшатывают старое недоверие и новая вражда.

– Я приветствую надвигающееся на тебя счастье, Шимшон... – промолвил наставник, но жених перебил его, тая от благодарности.

– О, как я признателен тебе, Пахдиэль! Хоть ты и ангел, а не чужда тебе и понятна природа человеческая!

– Ну, полно, полно! Не будем говорить о суетном, стоя на пороге великого. Не забылась ли в любовном угаре высокая миссия?

– Как можно, Пахдиэль? Разумеется, я продолжу мой ге-

роический путь по тропе, Богом мне предназначенной!

– Отраднo слышать. Я думаю, неплохо бы созвать мальчишник перед свадьбой. Много ли у тебя друзей?

– Когда-то были... Да вот беда, с тех пор, как взял ты на себя труд воспитания моего, я сделался одинок... Кого же приглашать на прощальное торжество? И вино запретно назиру!

– Верно, хмельной напиток не для тебя. А мальчишник устрой непременно! Позови-ка филистимских молодцов. Они хоть и не друзья тебе, но обидеть отказом остерегутся – силы твоей боятся, помнят, как крепко колотил их!

– Трусливая они братва, ты прав. Потому и в Цору не пойдут!

– А ты в Тимнате их собери, человек этак тридцать. Синеи доволен будет – подумает, хорошее начало мирной жизни, мол, Шимшон наших людей на свой праздник зовет. Раскошелится тесть, не поскупится!

– Пожалуй! Угощению обрадуются гости и охотно усядутся за столом! – воскликнул Шимшон.

– Чтоб не скучали званцы, загадай им загадку! – продолжил излагать свой план Пахдиэль.

– О чем?

– Вспомни, как убил ты льва голыми руками, а пчелы в трупе его построили улей!

– Да не в трупе, а в скелете львином, ведь говорил я тебе!

– А я говорил тебе, что сказ о льве и о меде непременно поможет нам. Вот про это и будет твоя загадка!

– Какая же, наконец? – нелюбезно воскликнул Шимшон.

– Вот такая: “Из евшего вышла снеть, а из сильного вышло сладкое”!

– Поясни, Пахдиэль!

– “Из евшего вышла снеть” – намек на то, как хищные птицы разорвали зверя и скормили птенцам мясо льва, который сам пожирал слабейших. “Из сильного вышло сладкое” – значит, в труп, нет, в выжженный солнцем скелет пчелы нанесли сладкий мед.

– Негодная головоломка!

– Почему, юноша? – сердито спросил ангел.

– Коли загадка правильная, то, чтоб распутать иносказание, отгадчик должен знать известное загадчику. Тобою наущаемый, я хранил втайне историю льва и меда. Значит, заведомо никто не отгадает!

– Нам того и надо! – воскликнул Пахдиэль, начиная терять ангельское терпение, – оставишь в дураках язычников, они разъярятся, затаят злое, потом сотворят вам лихо. Выйдет, что фелистимляне, а не иудеи преступят древний мирный договор меж праотцем вашим Авраамом и царем их Авимелахом. Чем больше преступлений – тем больше оснований! Ты должен понимать меня!

– Ясно мне...

– А чтоб вернее приманить их – заключи пари на дорогой приз. Тогда и отзвук звонче будет.

– Ясно мне...

Шимшон собрал удивительный свой мальчишник в Тимнате. Тридцать верных его недругов расселись за щедрым

столом. Синей не поскупился на угощение, и молодые язычники энергично набивали утробы. Обиды не заставили себя ждать. Сколько ни предлагали Шимшону вина – назир отвергал соблазны. “Отказывается от чаши – не иначе, за ровню нас не держит!” – шушукались одни. “Не пьет – значит, нездоров!” – шептались другие. “Голову туманит трезвость, а не вино!” – соглашались все.

Шум голосов бурно нарастал, а осмысленность речей опасно убывала. Шимшон подумал, что настало время занять внимание пьяниц загадкой. Он поднялся со своего места и после нескольких хвалебных слов в адрес гостей – долг вежливости хозяина – предложил публике проявить смекалку.

– Слушайте меня внимательно, друзья! – воскликнул Шимшон, – что, по-вашему, означает “из евшего вышла снедь, а из сильного вышло сладкое”?

– Э-э-э, да ведь это слишком просто! – раздались бахвальные крики, – мигом в точку попадем!

– Не надо спешить, – умерил Шимшон пыл хвастунов, – чтобы верили вам – не хвалитесь! Завтра женитьба моя, и семь дней свадебного пира щедро жалую вам – мозгуйте да кумекайте! – великодушно заявил жених.

– Семь дней? Ха! Да мы покрепче орешки быстрее ко-
лем! – воскликнул заводила веселой банды.

– И второе мое условие, – не обращая внимания на по-
хвальбу продолжил Шимшон, – отгадаете загадку – я всем
куплю по новому дорогому платью, а не осилите – каждый из
вас принесет мне богатое одеяние. А пока прощайте, друзья,
и надеюсь всех вас увидеть завтра за свадебным столом!

Гости начали расходиться. Громко крича и горячо жести-
кулируя, они принялись штурмовать хмельными мозгами ка-
завшуюся близкой вершину, и все разом выпаливали самые
невероятные версии отгадки.

Богатый дом – роскошная свадьба. Подарки и веселье.
Танцы и песни. Обжорство и пьянство. Тщеславие и зависть.
Лесть и зложелательство. Да разве перечтешь все светлые и
темные углы в сердцах хозяев и гостей?

Во главе стола сидят жених с невестой, без вины вино-
ватые в торжестве, шумном и продолжительном безмерно.
Трепещет Нимара, белая лицом. Всегда краснощекий, Шим-
шон сегодня бледен. В своей огромной ручище великан неж-
но держит маленькую, теплую и дрожащую лапку.

Кроме Маноаха и Флалиты, никто из сидящих за столом не одобрял упрямого отказа Шимшона от вина. Мы не знаем, как отнеслась к этому обстоятельству Нимара, но нам известно доподлинно, что женское благоразумие подсказало ей принять мужнину линию поведения.

Наконец жестокость отступила перед милосердием, и наоборотные были отпущены восвояси. О-о-о, здесь стоит сказать несколько слов! Прекрасная, свежевыбеленная комната. Высокий потолок. От нескромных взоров широкие окна закрывались вышитыми завесами. Пол украшали две цветные циновки добротного и толстого тканья. А меж ними располагалось широчайшее ложе. “Зачем так много места?” – подумал Шимшон и вспомнил узкую и гостеприимную постель Кушит. Впрочем, он тут же устыдился некстати явившимся мыслям.

Раздался робкий стук в дверь. Вошла девушка с серьгой в ухе. Доложила: она служанка, специально приставленная Синеем к молодой чете. Она вручила Шимшону колокольчик для вызова и бесшумно исчезла.

Потекли своим чередом будни праздничного пира. Молодые купались в пучине счастья. Нимара убедилась в правоте отцовской опытности, и улетучился страх, и пришла любовь.

К концу торжеств в настроении гостей стала заметна напряженность, которая не уничтожалась даже обильным винопитием. Шимшон догадывался о причине уныния. И глаза Нимары, как показалось ему, блестели чуть меньше.

– Милый, – Нимара шепнула ночью Шимшону, – на мальчишнике ты загадал гостям загадку и поставил условие о тридцати одеждах. И вот, беспомощны друзья твои...

– Дорогая, – не думай об этом, пусть болтуны пораскинут мозгами!

– Коновод их велел мне вызнать у тебя отгадку...

– Велел? Какова наглость!

– Он вопрошал, неужто мы позвали их, чтоб обобрать? Он угрожал сжечь огнем меня и отца. Мне страшно!

– Со мною ничего не бойся, Нимара! Я – щит твой верный!

– Остерегайся их коварства. Умоляю, открой секрет, и спровадим негодяев!

– Да ведь я отцу моему и матери моей не разгадал, а тебе

разгадаю?

– Ах, вот как! – воскликнула Нимара и горько-горько заплакала, униженная, – теперь я знаю, где сердце твое...

– О, язык мой глупый! – вскричал Шимшон, мигом уразумев, что обидеть легче, чем обиду вытерпеть, – вот отгадка, слушай!

И, искупая грех, Шимшон поведал Нимаре, как голыми руками убил льва, и как в скелете его пчелы соорудили улей. При этом он подумал о Пахдиэле и испытал некоторое злорадство. Потом он потребовал у Нимары дать честное слово хранить тайну, а она в ответ снова заплакала.

К вечеру седьмого дня свадебного пиршества собрались у Шимшона знакомые нам молодцы, и лица их сияли.

– Улыбаетесь? Отгадали мою загадку? – с тревогой спросил Шимшон.

– Нам это запросто!

– Говорите!

– Слушай отгадку: “Что слаще меда, и кто сильнее льва?”

– Век не угадать бы вам, если бы не... – крикнул в ответ Шимшон, и слезы навернулись ему на глаза, – я проиграл спор и в долгу не останусь!

Горько ему стало. Выходит, не уверена Нимара в заступничестве его, страх перед лиходеями сильнее. В гневе Шимшон помчался к ангелу: “Выложу все казуисту!”

– Негодная отгадка! – воскликнул Пахдиэль.

– Почему?

– Во-первых, мутная она.

– А загадка твоя прозрачная?

– Во-вторых, она добыта угрозой, и уж только поэтому ее принять нельзя! – ответил Пахдиэль, пренебрегая дерзостью питомца.

– У вас на небесах такой закон. Здесь на земле не важно, как достигнута отгадка. Я судил и научился многому!

Шимшон пылал яростью, и было от чего – нестойкость Нимары, крушение счастья, собственная глупость, хитро-

умие Пахдиэля, торжество ничтожеств, уязвленная гордость, унижение проигрыша.

Долг чести платить неизбежно, но сие следует соединить с мезтью. Одним подвигом больше. Шимшон вышел на торговый путь и стал подстергать купцов-филистимлян. Тридцать человек убил и снял с них богатые одежды. Взвалил на спину тук, отнес его к дому угрожавшего Нимаре наглеца и швырнул у ворот.

“Я сделал свое и возвращаюсь домой!” – крикнул Шимшон тестю и ушел, хлопнув дверью и не сказав прощального слова Нимаре.

Шимшон вернулся к родителям в Цору. Несколько дней сердечных мук хватило ему, чтоб осознать потерю. “Прощу Нимару! – думал он, – да разве сам я не обидел ее?” И он снова направил стопы свои в Тимнату.

Тревожно встретил его Синей.

– Где жена моя? – спросил Шимшон, – пропусти меня к Нимаре.

– Никак нельзя, – плачущим голосом промолвил Синей, – ты развелся с Нимарой, и я отдал ее другому.

– Я не разводился с моею законной женой!

– Но ты сказал, что возвращаешься домой, и ушел! По обычаям нашим – это развод.

Кровь бросилась в голову Шимшону, и гнев не давал дышать.

Бедный Синеи испугался не на шутку. Рухнули мирные планы. Он боялся мести бывшего зятя и еще больше страшился жестокости соплеменников. Как много злобы вокруг! А золото – дырявый щит против ненависти.

– Шимшон, драгоценный мой! – упал старик на колени перед молодым, – я дам тебе сестру Нимары, ты видел ее, она красивее!

– Ты отнял у меня жену, Синеи! Все вы – лживый народ! Отныне я буду мстить вам, подлые филистимляне! – вскричал Шимшон и ушел, чтоб не возвращаться более.

Глава 7 Жажда и месть

Человек сознает крушение любви, и едкая горечь обволакивает душу, разъедает охранный покров ее, жжет нежную ткань. Ум ищет виновника, а сердце плачет. С днями размягчается кристалл обиды, душа взращивает панцирь надежнее

прежнего, ожоги под ним рубцуются, и бальзам мести целит мечты.

Проиграв пари, убив три десятка филистимлян, заплатив долг чести и лишившись жены, Шимшон вернулся в Цору к родителям. Мать хотела было напомнить сыну, мол, твердила тебе, не бери чужую, слезами умоешься, но отец, выучившийся искусству угадывать мысли благоверной подружки, успел в последнюю минуту крепко сжать ей руку. Флалита за годы супружества также познала повадки Маноаха и удержала язык в пределах молчаливой мудрости. Молчание полезно – тогда вещи сами заговорят о себе.

Любовь к отцу с матерью не стесняла сына в глубине сердца ставить себя, наделенного Божьей миссией, выше неприметных родителей, вся заслуга коих состояла в простой вере. Где есть стремление к превосходству, найдется место и для зависти. Шимшону было досадно признавать правоту зрелой опытности против зеленого упрямства. Однако не отталкивал он протянутую руку помощи. Отринутый чужими – потянулся к своим.

Клич правосудного неба и глас попранной гордости гремели в ушах Шимшона, и состязались меж собою за первенство и требовали воздаяния недругам. “Месть филистимлянам станет единым ответом обоим вызовам!” – сказал Пах-

диэль, знавший науку врачевания печали. Всякий раз, заподозрив надобность в своих настойчивых советах, ангел оказывался на месте. “Видно, планида моя такова – внимать назиданиям его, – думал Шимшон, – запряг меня в свою упряжку любомудр этот вышний”.

– Шимшон! – воззвал Пахдиэль.

– Вот я!

– Язычники заслужили кару, ибо первыми нарушили договор Авраама с Авимелахом, незаконно отняв у тебя жену!

– Но до этого времени я успел убить три десятка их людей... – робко возразил Шимшон.

– Запомни, юноша: в делах мести не очередность событий, а сила и хитрость установят начало отсчета. Потому не им, а нам с тобой решать, кто пострадал первым.

– Боюсь, Пахдиэль, и они кумекают в том же роде.

– Неисправимый спорщик! Забыл, что с нами Бог?

– Какое причинить им зло? – смиренно спросил Шимшон.

– На их полях зреет урожай. Сожги им все посевы.

– Перехлест это. Я придал смерти тридцать язычников, а не хватил ли в гневе через край?

Сжечь всё – обречь на голод тысячи. Наказание поголовное, без разбору правых и виноватых. Несправедливый суд!

– Судья незрелый! Бичевать одних и не наказывать других – вот в чем несправедливость! Все недруги равны в желании нанести нам ущерб. Карая врага, мы создаем героя, щадя – уничтожаем. Одному выпала удача, и он отличился, другому не повезло, но в этом нет его вины. Быть несправедливым к невиновному? – риторически воскликнул Пахдиэль и немигающим взглядом уставился в упор на собеседника.

– Вроде, гладко говоришь... – с некоторым сомнением пробубнил Шимшон, почесав в затылке.

– Вернемся к щедротам мести.

– Наделы велики, как сжечь их разом?

– Собери молодцов. Да не тех, что на мальчишнике глумились над тобой, а своих, из Цоры. Поймайте триста лисиц. Свяжите животных хвостами по двое, а в узлы воткните горящие факелы. Выпускайте пару за парой. Гонимые ужасом

огня, лисицы помчатся в поле и сожгут посевы!

– Так в точности и сделаем! – ответил Шимшон, пряча улыбку.

Сколько мог, созвал Шимшон товарищей, они разбрелись вдоль нив филистимских и подожгли поля с четырех сторон каждое. Ночной ветер в помощь, и начисто сгорели посевы язычников. А удовлетворенный Пахдиэль увековечил в героических анналах земли Ханаанской живописный свой замысел.

Ранним утром филистимляне вознамерились навестить нивы свои, полюбоваться на крепкие стебли, потрогать наливающиеся колосья, помечтать о скором празднике урожая. Но не сверкала роса на зеленом ковре, только дымилась земля, побуревшая от злополучной напасти. Бесповоротностью разрушения впечатляет ремесло огня.

Кто-то мигом приволок из молельного дома деревянных идолов, и люди пали ниц перед истуканами, и стали со слезами и криками взывать к неверным богам и вопрошать: “За что? За что нам такое?” Но изваяния не снисходили до ответа и хранили степенное молчание.

Скептики из язычников не слишком уповали на богов

и мало верили в вину высшей силы, зато сразу вспомнили о соседях-иудеях и смекнули, что бедствие сие – дело рук человеческих. Добровольцы отправились в Цору. Выкрали нескольких юнцов и связанными привезли в Тимнату. Приготовили инструменты пыток и посулили смерть за молчание. Один из пленников ставил любовь к жизни выше, чем верность клятве. Он все рассказал без утайки.

Собрались самые уважаемые в миру филистимляне для обсуждения обстоятельств и принятия мер. Окажись на этой сходке Пахдиэль – не вняли бы его изощренной мудрости. В конце дебатов взял слово старейшина.

“Твердолобые обрезанцы ждут от нас слепого гнева, убийств, насилий и поджогов. Но наш ответ собьет с толку дурачье. И в самом деле, что, кроме глупости, могло подвинуть их на опрометчивую артельную расправу? Ведь обижать невинных – новых наживать врагов, а у иудеев и без того довольно зложелателей! Не слишком ли уповают на силу судьбогатыря? Найдем и на него управу!”

“Шимшон одержим безумством мести за жену. Синея и Нимара равно виноваты перед ним: отец не прозорлив, а дочка малодушна. Накажем своих и этим огорошим иудеев, убавим пугливость их и чуткость. Живьем сожжем Синея с Нимарой. Огонь за огонь, мера за меру – так они в книгах

пишут! Пленников отпустим восвояси. Доносчика не наградим, чтоб не убили за измену. Он нам еще сгодится”.

Тут раздался глас народа: “Старейшина, ты не помянул о мести!” Мудрейший филистимлянин успокоил гневную толпу: “Вот-вот наступит время сбора урожая. Взломаем амбары в Цоре и с лихвой возместим потери. На их луга выгоним овец, а на пашнях устроим военный лагерь. Голодные, они добровольно отдадутся в рабство. Утративших разум лишим пищи!”

Язычники сожгли Синея и Нимару, объяснив своим богам сие действие принесением жертвы во искупление грехов. Отчасти увенчался успехом мнимо самобичующий замысел филистимлян: удалось огорошить простых людей Цоры усупить бдительность их. Но Маноах и Флалита изрядно встревожились, ибо предчувствовали новое исступление бешенства Шимшона. Что впереди? Муки, кровь, нищета, изгнание?

Нимара была первой глубокой страстью Шимшона. И ее отца он любил, филистимлянина благонамеренного и неспесивого, высоко ставил уважительное расположение вельможи. Кусал себе локти Шимшон – зачем сгоряча обещал Синею мстить народу его? Пылает душа, а искры летят изо рта. Он мечтал о чуде – вернуть Нимару и помириться с тестем.

“Говорят, мол, нет нового под солнцем, – размышлял Шимшон, – не означает ли это, что любое невероятие случиться может?”

Когда предавал огню поля язычников, уступая убедительности Пахдиэля, подозревал Шимшон, что губит мечту. Но страшной казни невинных Нимары и Синея предвидеть никак не мог.

Бедствие необратимости потрясает душу. “Прав, однако, ангел – вернись к щедротам мести! Лишь тогда отступлюсь от вас, дикари-язычники, когда сравню вашу боль со своей!” – поклялся горячо.

Пригодились Шимшону сила и смекалка. Подстерегал и заманивал, избивал и калечил, жег и громил. Остановился, наконец. То ли остыла злость, то ли почуял неотвратимость расплаты. Скрылся в ущелье. Соорудил хижину на склоне, охотился на мелкую дичь, воду пил из ручья и жил отшельником.

Пустынническое прозябание после бурь людских располагает к самокопанию. “Кто я таков, чтоб судить и наставлять? Достоин ли стать спасителем? – спрашивал себя Шимшон, – я ведь и назир-то несостоявшийся! Верно, что вина не пью и запретного не ем, но реки крови пролил. Плохой пример

для народа-грешника!” А иной раз он услаждался мыслью о превосходстве своем: “Я к Богу приближен, я сказочно силен, человек и зверь – все боятся меня и суда моего, а власть – души ликование!”

Шимшон размышлял о горькой доле, о несправедливости, о жестокости и о любви. Угрызался совестью и других винил, злорадствовал и каялся, о себе скорбел и отца с матерью жалел. Ни к чему не пришел. Одно твердо уяснил: судьба его – вечное одиночество.

Снова пришла очередь язычников добавить свое звено в цепь мести, которую они куют сообща с иудеями. Как и обещал старейшина простонародью, филистимляне разграбили амбары соседей, на луга их выгнали свои стада, а на полях устроили стоянки воинские. И не оставили без последствий недавние неистовства Шимшона. Наложили дань на жителей Цоры, на недовольных смельчаков надевали колодки, а невинных дев предавали сраму.

Имущество зажиточного дома Маноаха и Флалиты подверглось основательному расхищению. Но не о том была печаль родителей Шимшона. Сын где? Жив ли? Найти его, помочь ему, спрятать от неизбывной злобы!

Шимшона искали все. Друзья опередили врагов. Великим

числом прибыли к нему иудейские посланники. Встали у края ущелья и громким хором принялись вызывать его.

– С чем пришли, братья? – спросил Шимшон, высунувшись из хижины и подозрительно глядя на толпу оборванцев.

– Поднимайся к нам. Дело важное, – раздались несколько голосов одновременно.

– Пусть один говорит!

– Я скажу за всех. Нимрод мое имя.

– Слушаю тебя, Нимрод.

– Отец и мать твои живы, но плачут по тебе.

– Неужто с этим пришли?

– Не только. Мы любим тебя, Шимшон.

– Дальше.

– Ты защищал нас. Судил и учил. Мы благодарны.

– Дальше.

– Худо нам. Язычники гнетут, грабят, насилуют, – произнес Нимрод, утерев слезу.

– Дальше.

– Куда уж дальше? Ты мстил и переусердствовал.

– Как они со мною – так и я с ними!

– Старейшина их долдонит, мол, выдайте нам Шимшона, и мы отступимся от вас...

– Почему большой войны нет меж вами?

– Боимся. И они боятся.

– Еще раз спрашиваю, Нимрод, с чем явились ко мне? Говори прямо, не хитри – хотите врагу выдать того, кому благодарны и кого любите?

– Любим, а теперь страдаем. Мы не желаем тебе зла. Но Совет мудрецов... – начал и не успел закончить Нимрод.

– Полагает, что беда одного весит меньше беды общей? –

перебил Шимшон, – намекает, чтобы я по доброй воле ищупительной жертвой сделался? Велика мудрость!

– Ты знаешь другую?

– Знаю! И плешивые книжники твои знают: все иудеи братья, а брата не продают!

– Иосифа продали...

– Его ненавидели!

– Дальше, – теряя терпение, бросил Нимрод.

– Куда уж дальше? Я согласен! Свяжите меня и выдайте, да только не совету седобородых, а врагам нашим! Я на Бога надеюсь. Играю со смертью ради любви к народу моему, а не из почтения к высоколобым!

Филистимляне встретили связанного Шимшона криками ликования. Что делать с пленником? Мнения разделились. Одни желали непременно побить камнями, другие требовали сжечь на костре, самые изобретательные предлагали осуществить обе казни в гармоничной последовательности. А Шимшон тем временем закатил глаза к небу, прошептал молитву, добавил от себя несколько слов во славу Господа, на-

прыг могучие мускулы, и лопнули пеньковые веревки.

О том, что произошло сразу после этого, мы узнаём из записей, сделанных ангелом Пахдиэлем, который отличался, во-первых, изумительной способностью оказываться на месте судьбоносных событий, а, во-вторых, талантом достоверного и сочного их описания.

Итак, освободившись от пут, Шимшон поднял с земли оказавшуюся под ногами ослиную челюсть и ею учинил неслыханную расправу над лиходеями – лишил жизни тысячу филистимлян. Совершив этот подвиг, он, согласно Пахдиэлю, воскликнул: “Челюстью осла я убил тьму ослов!”

Поскольку сие доблестное деяние всегда волновало людей и вызывало законный публичный интерес, знатоки Книги не скупилась на толкования. Самой смелой интерпретацией нужно признать предположение, что наш герой подобрал с земли челюсть того самого осла, на котором за много веков до рождения Шимшона праотец Авраам вез связанного сына Ицхака, дабы принести его в жертву всесожжения. Чудом сохранилась именно эта часть скелета животного.

Доподлинно известно, что от непомерно тяжкого труда мести пот градом катился с Шимшона, и, окончив битву, он попал в серьезную беду. Страшная жажда сдавила горло, ис-

сушила губы и рот, отняла силу в ногах. Изможденный, он опустился на землю. Передвигаясь ползком, пытался отыскать воду, но помутневший взор его не находил ни ручья, ни родника, ни даже лужи.

“Бог милосердный! – из последних сил взмолился Шимшон, – Ты спас раба Твоего, а теперь оставил меня умирать от жажды, и попаду я в руки этих необрезанных?” Тут вышел из-за скалы ангел Пахдиэль и воскликнул: “Жажда сия – остережение Господа за сомнения твои!” Произнеся эти слова, Пахдиэль отвалил камень, что лежал рядом с головой Шимшона, и заструился источник на этом месте. Шимшон пил, и возвратился дух его, и он ожил.

Глава 8 Шимшон и Длила

Учиненный Шимшоном разгром заклЯтым недругам произвел глубочайшее впечатление на оба враждовавших народа, на виновника торжества победы и на всех прочих героев этой правдивой повести. Возможно, неизгладимости достигнутого эффекта способствовала диковинность орудия избивения – подобранная Шимшоном на земле ослиная челюсть.

В сердцах филистимлян смешались ненависть, страх и уважение к силе. Они затаились, притихли, отступили с завоеванных позиций, и праздник владычества сменился буднями искания компромиссов.

Почва под ногами иудеев обрела относительную твердость. Расположение простых людей к Шимшону стало поистине всеохватным. Соплеменники превозносили его, но уколы совести за постыдное посольство мешали разгореться в полную силу пламени любви. Совет мудрецов заявил, что подвиг героя явился воплощением Божьей воли и в завуалированном виде был предсказан Советом.

Маноах и Флалита сияли родительским счастьем: “Отпрыск жив и здоров. Правда, безбрачен, деток не породил и снова взялся за беспросветный труд исправления человечества, но ведь молод он, поумнеет и наверстает!” Не упрекнем отца с матерью за важничанье – ходили по Цоре, задравши нос. Кто еще мог похвастаться таким сыном?

Вчерашние господа вернули Маноаху и Флалите отобранное имущество и возместили ущерб. Родители Шимшона построили сыну дом на полпути меж Цорой и Тимнатой. Место удобное – близко и к своим и к язычникам. Ни те, ни другие не отличались праведным поведением, и часы досуга редко случались в обители судьи.

Первое время после громкой победы Шимшон в охотку винил, оправдывал и наставлял. Когда не помогали слова – убеждали мускулы. В судейском деле это приемлемо: не важно, прям ли, крив ли путь к утверждению законности – надо

дойти до конца.

Язычники, казалось, смирились с уздой. А иудеи меньше бродяжничали и больше трудились. Шимшон отправлял крепких парней в ученье к кузнецам филистимским. Собственные мечи и копья защитят надежнее древних союзов.

Годы шли и уносили с собой первоначальный избавительский пыл назира. Пахдиэль с сожалением отмечал, что иудеи много охотнее осваивают железоделательное ремесло, нежели покидают торную тропу греха ради ухабистой дороги праведности. Ангел винил в этом Шимшона. Его холостяцкая петушиная жизнь, возможно, не подавала доброго примера единоверцам. Однако опровергнуть сие предположение не труднее, чем доказать. Раздраженному фактами эмиссару небес неизменно вспоминались слова Второго друга: “Вождь – человек, значит, не без изъяна... Внушением не одолеть жестоковыйности...”

Вне всякого сомнения, проницательный читатель успел уже сделать вполне резонное предположение о том, что Шимшон не чурался сладких утех в своем обиталище, неосмотрительно пожалованным ему родителями. Женатиком ведомы приятности, а холостая жизнь изобилует удовольствиями. Пусть пока не находилась равная замена огненной Кушит или целомудренной Нимаре, но, шагая по лестнице

чувственных наслаждений, назир, как казалось ему, ступень за ступенью поднимался к вершине, где ожидал его дар судьбы. Флалита совершенно не одобряла затянувшуюся свободу родного чада, да и Маноах выражал пассивное согласие с супругой.

Приходящие фемины доставляли преходящие радости. Все явственней слышался Шимшону шорох одиночества. Он стал меньше ценить народную любовь, подозревая в ней корысть. Волны сомнений накатывались и отступали. Годен ли он для исполнения высокого Божественного посланничества? Раздумья – путь к измене: а нужна ли его миссия? Не слишком ли высокую цену приходится платить за исключительность, и не лучше ли стать, как все? Порой хотелось куда-нибудь скрыться, порвать с этой жизнью, а то и с жизнью вообще.

Правда, мысль о несомненной практической пользе судейства теснила черную меланхолию. Но ведь души-то людские он не исправлял, слов убеждения не находил и примером не служил. Пахдиэль высокопарно ободрял: “Волшебной силы подвиги сотворили героя. Ты навеки станешь легендой, питающей гордостью корни племени твоего. Без живительной этой влаги высохнет древо жизни народа!” Шимшон соглашался и утешался на время.

Мудрая Флалита знала, что счастливый брак рассеет туман мужской тоски и упадка духа. Маноах держался такого же мнения. Сознывая малость своего влияния на отпрыска, родители скрепя сердце решились обратиться за содействием к Пахдиэлю. Дождавшись очередного схождения ангела с высот, они изложили небесному созданию земной взгляд на вещи. Внешне снисходительно, но с внутренней заинтересованностью гордец выслушал стариков и обещал обсудить предмет с Шимшоном. События благоприятствовали переменам.

Среди филистимлян было немало людей с тугим кошельком, поэтому несколько раз в год в Тимнату прибывал торговый караван из Египта. Купцы неизменно оставались довольны – сбывали дорогие ткани, украшения, посуду и цены брали хорошие.

На сей раз к торговцам с берегов Нила пристала молодая филистимлянка по имени Длила. Родители увезли ее ребенком в Египет. Сперва нажились отменно, потом удача забыла о них, и богачи превратились в лавочников средней руки. В Тимнате оставался дом под присмотром двух племянников, двоюродных братьев Длилы.

Боги не дали родителям Длилы других детей, а единственную дочь они отправили обратно под опеку братьев. Стран-

ный этот поступок явился щедрым подарком досужим языкам, утверждавшим, что, якобы, нескромное поведение дочери вынудило отца с матерью вернуть ее в Тимнату ради сбережения своего доброго имени. Мы не станем прислушиваться к ядовитым сплетням. Злоречие порочит невинное и пятнает чистое.

Заметили люди, что Длила недурна собой и нрава пылко-го. Она была не столь красива, как умна, и не так горяча, как добра. Вездесущий Пахдиэль поведал питомцу о новопривывшей. Шимшон выказал живой интерес. Он легко нашел благовидный предлог для знакомства и гостеприимства.

Невзначай, не в ущерб величию своему, ангел обмолвился Флалите и Маноаху о свежих обстоятельствах, касающихся сына. Старики с радостью встретили новую надежду: “Ну и пусть она филистимлянка – перед Богом все равны!”

Говорят, мол, в старости мозги костенеют, теряют способность к ревизии взглядов. Однако пример родителей Шимшона показывает несостоятельность такого воззрения. Хотя, порой, гибкость ума не молодостью определяется, а диктуется недостатком выбора.

Чудо, случившееся меж Шимшоном и Длилой, зовется взаимной любовью с первого взгляда. Ему не было никакого

дела до перипетий ее прошлого, а она до поры до времени не проявляла любопытства к будущему его славы. Они растворились в настоящем.

Нимало не тревожась худословием благонамеренных жителей Тимнаты и, пренебрегши остережениями двоюродных братьев, Длила переселилась к Шимшону. Ее заботливая рука и замечательный вкус совершенно преобразили по-холостячки одичалое жилище, что до недавней поры хоть и часто освящалось женским присутствием, но всякий раз слишком кратковременно.

Неуемны ласки любовников, когда говорит язык страсти. Длила верила горячему своему сердцу, и что есть выше сего? Сквозь марево восторгов первых жгучих дней стали проступать контуры лет грядущих. Есть ли дело выросшей в Египте филистимлянке до пустых мечтаний иудейских? Ей нужен человек из плоти и крови, а не фантазии чужих пророков!

“Бедный, бедный Шимшон! – размышляла Длила, – такой добрый, красивый, могучий, благородный, любвеобильный! Неужто драгоценный возлюбленный мой не для радостей жизни рожден? Он скрытен – я не успела заслужить доверия. Но сердце не обманывает меня: Шимшон рвется из тьмы величия, свет простоты его манит. Мы созданы друг для друга и жаждем вместе жить и умереть! Но не в этой

земле, лакомящейся лучшими детьми своими...”

Шимшон упивался любовью, и вновь взвился дух его. Поначалу забылась тоска сомнений и бесцельности. Но вернулась она и сдавила горло крепче прежнего. Проницательным сердцем Длила угадала душевную муку Шимшона: он подошел к крайней линии судьбы, и страшно ему преступить границу новой жизни, но губительно промедление!

“Бежать, бежать! – лихорадочно думал Шимшон, – все бросить и бежать! Только Длила! Любовь ее изобретет основание, предлог, средства, место. Однако изменить предназначению моему? Покинуть землю и родных? Пока не проверил себя, не имею права говорить ей о своих метаниях. Жить только страстью. Да ведь не мало это!”

Шимшон верно угадал изобретательность Длилы – она выстроила в голове проект спасения любви. Они навсегда покинут землю Ханаанскую, и никогда более не увидят погрязшие в пустопорожней вражде Цору и Тимнату. Ей известны чудные города в свободной Египетской стране. Вечность поселилась в том краю. Море, солнце, песок, пирамиды, любовь – все бессмертно в благодатной стороне. Нужно много богатства для воплощения мечты. Она добудет. Главное – Шимшона воля. Она склонит его. “Пока буду молчать. Он на полпути. Пусть плод созреет. Намерение тверже, ко-

гда к нему приходишь сам”.

Братья Длилы пребывали в растерянности. Дом сестрицы пустовал. Сама она обреталась в вертепе израильянина и тем срамила семейный клан. Того и гляди, дойдут слухи до берегов Нила, и позор падет на головы египетской родни. Положение становилось вконец скверным. Доколе терпеть? Братья отправились за помощью к уже знакомому нам старейшине.

– Мудрый из мудрейших, – воскликнули гости, почтительно склонив головы, – мы в беде, о которой тебе неизвестно.

– Садитесь вот сюда, – произнес старейшина, приглашая вошедших, – и для начала разрешите трижды вас поправить. Во-первых, я мудрейший из мудрых, а это совсем не то, что вы сказали, во-вторых, положение ваше не бедственное, а прекрасное, и, в-третьих, оно мне отлично известно.

– Прости, если что не так. Мы внемлем.

– У всех у нас с вами, филистимлян то есть, проклятый иудейский судья стоит костью в горле. И до этой поры мы не могли ни убить его, ни спровадить, ибо мощи он богатырской, и тьму наших людей замертво положил. А тайна силы

его от нас скрыта.

– А теперь и сестрицу к рукам прибрал. Совсем худо!

– Совсем нехудо! Наоборот, рассвет спасения забрезжил!

– Это надо пояснить!

– Длила сошлась с Шимшоном накоротке. Люди говорят, он по уши влюблен. Направим ум ее на нужную нам цель. Она лаской выведает главный секрет – он разболтает его в горячке страсти. Длила лишит иудея силы, и мы покончим с утеснителем!

– О, мудрейший из мудрых! Сестрица наша не глупа и живет своей головой. Каким увещеванием или соблазном ты мнишь направить ум ее?

– Длила – филистимлянка, но нежилась в Египте в годину тяжких испытаний, выпавших на долю соплеменников, угнетенных ненавистным иудеем. Мало того! Возвратившись в край родной, она прелестями своими ублажает тирана. Скажите ей это, и вы разбудите в ней совесть и отчизнолюбие. Вот вам и увещевание. А соблазн немудрен – металл, людям вожденный. Дарами и богов расположить к себе можно. Сестрица же ваша не глупа. Мы тем временем сделаем сбор,

и толстосумы не посядутся.

– А с Шимшоном-то что станется?

– Мы подошлем бойцов умелых. Когда Длила даст знак, воины из засады ворвутся в дом, схватят Шимшона и уведут в тюрьму. Дальнейшее предоставьте нашей сметке.

– Воистину ты мудрый из мудрейших. Какую награду мы смеем обещать Длиле?

– Тысячу сто серебряных шекелей! – возгласил старейшина и благословил братьев на доброе дело.

Братья Длилы принялись обдумывать план старейшины. Замысел звучал легко и просто в его устах, но застревал в их головах. “А что, если Длила привязалась к Шимшону, и он ей дорог? – рассуждали они, – как, не споткнувшись, переступить порог нежных братских чувств? Вдруг не клюнет Длила на наживку патриотства, сочтет за криводушие? Казною подкупать – дело неверное: коли любит его – то нас возненавидит, а если ради похоти прибилась к красавцу и силачу, то, выходит, толкаем ее на подлость. Значит, себя можем уронить, сестрицу совратить, а Шимшона не одолеем!”

Чтобы разредить мрак в голове, прояснить ум и превра-

тить сложное в простое, порученцы старейшины и всего народа филистимского поставили на стол изрядный кувшин вина и две кружки. Уничтожив сим привычным способом смятение духа, они отправились в гости к Шимшону – познакомиться поближе с хозяином и с внутренним устройством его жилища, а также для нанесения братского визита заблудшей овце.

Сердечно встреченные, братья продолжили черпать смелость из кружек, но теперь уж за другим столом. Под предлогом неотложного дела Шимшон удалился, оставив родственников наедине. Братья изложили сестре доводы и притязания старейшины. Кульминационным пунктом их неровной речи стало предложение награды.

Длила помрачнела: какая гнусная роль отведена ей! Она вспомнила о мстительности соплеменников и испугалась роковых последствий отказа. “Что будет со мною, с Шимшоном, с нашей любовью?” – думала она. Печать сумрачности и страха на ее лице, вернула братьев к мучительным сомнениям давешних минут трезвости.

Длила продолжала размышлять, не произнося ни слова. Но вот физиономия ее расправилась, суровость как будто исчезла, и прищуренные от дум глаза раскрылись шире. Братья испытали облегчение. “Я пораскину умом и пришлю за

вами, чтобы сообщить решение” – произнесла она холодно.

“Кажется, доброхоты спешат нам с Шимшоном на помощь, – соображала Длила, выпроводив гостей, – и цель их сходна с нашей, хоть и не совпадает вполне. Они не хотят Шимшона над собою, и мое желание – увезти его подальше от этих мест. Возлюбленный мой мечтает об освобождении, только страшно ему в этом признаться самому себе. Им нужен мертвый Шимшон, а мне – живой, вот в чем несогласье, которое я хитростью преодолею!”

“А что, если подбить Шимшона на побег? О, как все не просто! Сила чудесная, небом ему навязанная, камнем висит на шее его, тянет на дно пустейших дел. Покуда гнездится в нем это несчастье – нет надежды, что не вернется в сердце его соблазн елейной славы. Да еще треклятый ангел сбивает доброго человека с панталыку. Шимшон должен сам решиться свергнуть иго, я лишь подтолкну”.

“А братьям-то какой резон встречать? Семейную честь от пятен моего распутства отмыть хотят, или старейшина настропалил? Скорее, и то и другое. А ведь без их награды не обойтись мне! В Египет не добратся задарма, и дешево не проживешь там! Правда, предложили мало, но я свое возьму!”

“Положим, приму их план – тут Шимшона первым делом заточат в тюрьму. Стало быть, охранник должен быть заранее подкуплен, а колесница для побега – ждать наготове”.

“Что может удержать его расстаться со своею силой и бежать со мной из Ханаана? Страх непривычной незащитности? Геройства жажда, что вдруг пробудится в решительный момент? Или, всего ужасней, меня в измене заподозрит?”

“До конца спокойной быть я не могу – ведь силу потерявши, Шимшон попадет во вражьи лапы! Да, я иду по острию ножа, но не могу иначе. Дыханием горячим согревают душу мне три веры: в себя, в него и в любовь! Я буду молить богов помочь нашим любящим сердцам!”

“Пока не открою ему, что вступила с родичами в сговор. Пусть мысль об опасности не охлаждает решимость. Зато похвастаюсь, что у меня довольно серебра в дорогу и для безбедного житья в Египте. Я знаю, каким теплом вернее растопить мужскую душу”.

“Я освобожу его немедленно, как только за ним замкнется дверь темницы – лишь бы подкупленный охранник оказался честным малым! По пути в Египет расскажу ему всю правду. Он поймет и простит благонамеренный обман. Боги в помощь нам!”

Длила послала за братьями. Не пропустив их дальше порога, сообщила, что приняла их план, но плату надлежит удвоить. Через неделю пусть придут бойцы с мешками серебра. Засаду она спрячет в саду за домом.

– Отчего ты печальна, любовь моя? – спросил Шимшон, – есть новости худые от твоей родни?

– Нет, милый, – с великой грустью в голосе промолвила Длила и утерла набежавшую слезу, – дело в нас с тобой.

– Говори, не томи!

– Ты любил блудницу Кушит...

– Это давнее, забытое...

– А если проснется бесовщина? Мне не пережить измены!

– Я люблю и буду любить только тебя, Длила!

– Все нутро мое трепещет, вдруг потянет тебя к девке той... Я умру от горя, и смерть моя расчистит тебе путь к свободе! – воскликнула Длила, и званые слезы заблестели на глазах, и взбушевалось воображение, и раздались рыдания в

ГОЛОС.

– Ах, Длила, зачем напоминаешь о навсегда забытом? – воскликнул удивленный Шимшон, но при этом мысль о ревности возлюбленной затопила его душу сладчайшим нектаром, – я никогда не вернусь к ней! Как убедить тебя?

– Мы должны покинуть этот край. Серебра в моей казне достанет на счастливое житье в Египте!

– Но ведь я назир! Мне сила дана Божественная для вспоможения народу моему и исправления его.

– Открой мне тайну силы – и я смету с пути любви сей камень преткновенья!

– Изменить долгу пред небесами?

– Твоя душа прозрачна, Шимшон! Я увидала в ней цветы мечты, с моею сходной. Решайся!

– Не плачь, Длила! Сейчас нет у меня иного ответа, кроме клятвы в вечной любви к тебе, – воскликнул Шимшон и обнял ее.

Длила заключила, что приступом крепость не взять, нуж-

на осада. Она осторожно высвободилась из объятий возлюбленного, проскользнула в сад и беззвучно подошла к притаившимся воинам. “Передайте хозяевам вашим, что дело сложное, и быстро не решить его. Я уведомя о новой попытке. Плату надо вновь удвоить!” – сказала тихо и удалилась.

Шимшон пребывал в смятении. “Длила права, моя душа прозрачна, – размышлял он, – и потому мои метанья – как на ладони. Я герой, и разве много мне подобных среди соплеменников? Я нужен народу моему для вечной гордости. Но подвигов, мною уже свершенных и бурной Пахдиэля фантазией разукрашенных, вполне довольно! Себя забыв, я целиком отдался вере и единоверцам. Я, кажется, исполнил свое предназначение, и пробил час вспомнить о собственной судьбе. Так думают Длила и мать с отцом. Наставник Пахдиэль наверняка другое суждение имеет. Сам я ни на что решиться не могу!”

Миновала неделя. Длила была грустна, Шимшон – погружен в раздумья.

– Кручинишься, любимая?

– Сны кошмарные одолевают. Утром проснусь – и тяжесть не уходит, весь день на сердце давит, до следующего сна.

– Что мучает тебя, бедняжка?

– Скажу, а ты смеяться станешь...

– Смеяться над бедой моей Длилы? Как можно? Лучше я толкователя сновидений приведу!

– Тогда слушай! Ты на Нимаре был женат. Юна, нежна, тебя любила. Так покорился прелести ее, что против воли родительской пошел!

– Да, верно. Но назир небезбрачен. И память – не вечные письма на камне. Новая любовь заполнила сердце – любовь к тебе, единственной! А, главное, ведь умерла Нимара!

– Но волшебная-то сила жива в тебе, и я не знаю свойств ее! А если она воскресит Нимару? О, ты вернешься к любимой жене... – голосом многострадания воскликнула Дмила, и обильные слезы полились из глаз.

– Страдалица моя! Какие только небылицы не изобретает ревность! А хоть бы и свершилось невероятное – мне что за дело? В сердце моем есть место только для тебя!

– Быть брошенной? О, это невозможно! – словно не заме-

чая слов Шимшона, продолжала Длила скорбную тираду, – я убью тебя! Ты слышишь? Убью! Никакая чудесная сила не остановит мечь мою!

– Не лей напрасных слез. Забудь про Кушит и Нимару, как я забыл. Ты не умрешь от горя и не убьешь меня. Вдвоем дорогой жизни и любви придем к могиле.

– Ласкающие слух речи. Но разве слово – это эхо дела? Покуда нечисть злая в тебе гнездится, и ноги вязнут в топи Ханаанской – несчастны мы! – сказавши это, Длила заплакала еще горше.

– Ты все о том же. Умело искушаешь. Не торопи. От кислого плода – оскомина на зубах.

Длила уняла рыдания. Вышла в сад. Шепнула бойцам в засаде, мол, решение близится, а награду снова придется удвоить.

Искусство всесильно, ибо красота ему подвластна, а женщины красиво плачут. Их слезы, размягчают алмаз, жгут сердце мужчины, и остановить наводнение – первейшее его желание. Зато, как лестна ревность! “Длила глядит в мою прозрачную душу!” – говорил себе Шимшон. Он не замечал, как благонамеренные уловки возлюбленной смиряли его.

“Порой, мне кажется, я с лихвой исполнил миссию свою, порой, я чувствую, что неудачами усеян путь, и я прячусь от ответа перед небом, – мрачно размышлял Шимшон, – если второе верно, то зачем я пришел на землю? Достоин ли я жить? А любить? Бежать с Длилой и спрятаться в любви от жизни? Чушь. Однако, не полюбивши – не начнешь и жить! Запутался. Я вижу два убежища – смерть добровольная или забвение в любви...”

Дни проходят. Шимшон и Длила мрачны. Тяжко размышляют каждый про себя, ночами не предаются былым восторгам. Думы будят страх, страх холодит сердце, сердце полнится думами.

Как-то Шимшон вернулся домой, исполнив обычную судебную повинность. Длила сидела на циновке в углу горницы, и в лице ни кровинки.

– Что случилось, дорогая?

– Садись. Вот место рядом. Семь дней отведено. По вашему обычаю.

– Кто умер? – испугался Шимшон.

– Пока никто, но вот-вот случится горе.

– По живому не сидят у нас. О ком ты, Длила?

– О чем, а не о ком. Любовь наша, Шимшон, при последнем издыхании.

– Что это значит? – вскричал в гнев Шимшон.

– Это значит, что прежде я говорила вздор. От ревности я не сойду в могилу и не убью тебя. Мы будем живы, но любовь умрет.

– О, нет! – любое зло приму, но не это! И почему так плохо все? – воскликнул Шимшон, и схватил Длилу за плечи, и поднял с циновки, и поставил перед собой и взглянул в ее сухие глаза.

– Не может длиться долго любовь меж женщиной земной и старателем небесным!

– Как спасти от смерти то, что нам всего дороже? Тебе известен чародейный эликсир?

– Да, да, да! Он и тебе известен!

– Бог мой! – возопил Шимшон, – какому испытанию Ты подвергаешь меня!

Шимшон опустился на циновку. По мужественному лицу огромного и сильного мужчины текли слезы. Он поднял глаза на возлюбленную. Теперь и она плакала.

– Волшебная сила моя – в волосах, не знавших ножа с рождения. Обстриги их, и сущность моя станет человеческой, и мы сравняемся...

– Мы бежим в Египет, колесница наготове!

– Проедем через Цору. Я поцелую на прощанье отца и мать...

Вооружившись острым ножом, Длила ловко и быстро проделала то, о чем сказал Шимшон. Пока он сидел, опустив голову и закрыв лицо руками, она выскользнула во двор и подала знак бойцам в засаде.

Филистимские воины ворвались в дом, связали обессиленного Шимшона и поволокли к своей карете. От изумления Шимшон утратил дар речи. Он заметил, как двое бойцов укладывали на циновку мешки с серебром.

Через час, когда по расчетам Длилы двери темницы должны были закрыться за спиной узника, она скомандовала слуге погрузить в повозку мешок, предназначенный для подкупленного охранника.

Заговорщица примчалась к воротам тюрьмы. На посту стоял незнакомый страж.

Глава 9 Тюрьма

Трижды Длила поднимала плату, каждый раз удваивая ее. Первоначально обещанные тысяча сто шекелей серебра превратились в восемь тысяч восемьсот. Ничему на свете нет справедливой цены. Памятуя об этом, старейшина Тимнаты отдал должное ловкости молодой да ранней филистимлянки из Египта и ее умению наступать на горло. Нелегко ему пришлось – убеждать небедных и нещедрых соотечественников вторично, и опять, и снова потряхнуть мошной. Когда здравомыслие обременяет одну чашу весов, а скупость – другую, то для успеха дела частенько требуется надавить пальцем на первую чашу. Старейшина так и поступал, используя свое влияние в качестве пальца.

Мудрейший из мудрых смекнул, что за алчностью Длилы кроется некая задняя мысль, которая вполне может разрушить его собственный замысел. “Уж не для побега ли с иудеем требуется так много серебра ушлой его любовнице? Ежели это так, то она непременно подкупит охранника тюрьмы!

Береженого – боги берегут, а вот заменяю-ка я часового!” – так подумал третий тимнатский калач. Как показали дальнейшие события, бдительность выдавшего виды старца сломала судьбы, сгубила жизни, увековечила вражду.

Старейшина вошел в тюремную конуру, внимательно оглядел связанного Шимшона, и тайна силы героя со всей очевидностью открылась филистимлянину. “Длила остригла косы любовника, значит, волосы были причиной величия его! – подумал старейшина, – однако, грива снова отрастет, и вернется к нему мощь! Покуда он слаб, мы должны перетянуть его на свою сторону. Соблазном казны, власти, женщин – любыми земными благами. Одних рыб ловят удочками, другие попадают в сеть. Скорей птицы перестанут петь, и кузнечики стрекотать, чем устоит от соблазна человек. Мозги Шимшона просветлятся, и он отметет бредовые понятия, и станет полезен нам!”

Судьба пленника обсуждалась на высоком вече. Безжалостные из язычников требовали смерти. Милосердные готовы были удовлетвориться ослеплением на оба глаза. Потерпевшие от судейской справедливости и богатырской силы виновника торжества обсуждали всевозможные способы казни – от гуманного отравления беленой до свирепого побития камнями.

В заключение дебатов слово взял старейшина. Он изложил прагматические соображения, уже известные читателю. Точка зрения мудрейшего из мудрых возобладала. Чтобы потрафить благородному гневу соплеменников, старейшина распорядился ограничить рацион узника до хлеба и воды и принудить его к полезному труду вращения мельничных жерновов. По мнению большинства, взятые меры содержания арестанта должны были способствовать скорому перевоспитанию.

Покуда Шимшон жил с возлюбленной, душа его, израненная ожогами сомнений и уколами совести, надорванная непомерной ношей рокового решения, стонала, кровоточила, болела. Иными словами, Шимшон сделался болен душой.

Ласка, верность, нектар самообмана и, главное, любовь – вот на каких живительных снадобьях настаивала Длила спасительный эликсир. Но представилось Шимшону, что не фиал с целебным зельем получил он из рук ее, а кубок, ядом измены наполненный. Потрясение унесло его рассудок на самый край пропасти безумия. Мысли безжалостно раскачивали болящий ум, готовый рухнуть невозвратно в темную бездну.

“На мешки с серебром Длила обменяла меня! – терзался Шимшон, – как легко простосердечье обмануть! Почему

предала? Ведь любила – без сомненья было это! Блеск золота сердце ослепил? Иль не под силу страсти племенные цепи разорвать? Своею необычностью я смолоду кичился пред матерью и отцом, советами пренебрегал, а ведь меня остерегали от чужих дев. Вся жизнь моя – ошибок череда. Добро бы, исправлял их – так нет же! Гордыню и упрямство с величием попутал!”

“Я жил и упивался ложным превосходством. Наслаждения любви и подвигов не вытянут из болота одиночества. Пахдиэль – вот истинный единомуд – мой и народа моего. Он поневоле друг – ведь свой он. Э-э-э, не ври-ка сам себе! Он худший враг. Что знают на небесах о наших хотениях? У земной и у небесной правды разные пути. Упрямец не обнял этого окостенелым своим умом!”

“Я грубой силой славу стяжал – себе и племени моему. Ангел говорит, мол, вовеки память о геройстве не умрет. Хорошо. Пусть так. По его словам выходит, что не зря я землю топтал – врагов побивал, суд творил, почти пророком стал. Вот только свой резон забыл. Зато помню, как собратья убеждали меня сдаться на милость врага!”

“Хитра и вероломна Длила. Вперилась в прозрачную мою душу, углядела шатания и признала тайну ложным обещанием. Не хочу думать о ней. А кого в мыслях нет – то и лица не

узнаёшь. Вспоминаю Кушит и Нимару. Видно, не зря ревновала египтянка. Или то не муки ревности были, а игра?”

“Сейчас всем доволен. Не бьют. Хлеба вдоволь. Вина мне не надо. Хочу женщин – скажу тюремщикам, пусть приводят. Старейшина филистимский все подступает ко мне с какими-то обещаниями, но сперва требует сделать то, сказать это. Не понимаю, чего он хочет. У меня жернова есть, муку мелю. Геройства никакого, а польза налицо”.

“Мне то хорошо, то худо. В голове потемки и ночью, и днем. Насмешками унижают меня язычники. Не могу неволю терпеть. Миссию небес не исполнил. Что осталось мне? Каяться? Нет во мне духу нести вину и изводить себя, хоть и заслужил. Смертью спастись?”

Сердце Длилы – болящая язва. Мысли – горькая отравка, что лилась на рану, разъедала. “Как ловко было задумано, и в одночасье рухнуло, – сокрушалась она, – Шимшон решился, охранник подкуплен, колесница наготове, серебра вдоволь, но старый хрыч перехитрил меня!”

“Я знаю, что думает обо мне Шимшон. Как убедить его в обратном? А надо ли пытаться? Он казнит себя за ошибки – преподнести еще одну? Как все ужасно! Любовь и мечта погибли. Ему самому не вырваться из плена, а под силу ли

мне спасти его? Я слышала, он временами странно себя ведет. Узнаёт не всех. Мне страшно идти к нему. Возлюбленный меня прогонит”.

Длила проведала, что Шимшон требует женщин, и тюремные власти не отказывают. Богатые филистимляне охотно приводят ему своих девственных дочерей, дабы те понесли и родили богатырей. Суеверные язычники полагают, будто сила отцовым семенем наследуется, и не ведают, что источник любых достоинств – только Божий дар. Любострастие Шимшона огорчало Длилу, и в сердцах она как-то назвала его племенным быком, но потом устыдилась – неосновательны ее притязания на верность.

Тяжкие муки совести толкали Длилу в объятия мазохизма. “Я пойду к его родителям, – говорила она себе, – я хочу слышать, как они проклянут женщину, лишившую их единственного сына!”

Длила пришла в Цору, и не проклятиями встретили старики злополучную невестку, но теплом сердечным. Они слушали повесть о любви Шимшона и Длилы, а она внимала воспоминаниям стариков о хмурой бездетности, о великом счастье, посетившем дом их, о трудном росте чада, о непомерно тяжелой миссии, на него возложенной, которая и их старческие спины пригнула к земле.

Флалита то и дело утирала слезы, а Маноах прерывал свое молчание редкими вздохами. Так расчувствовалась Длила, что шепнула на ухо свекрови, что носит под сердцем их внука. И Флалита просияла, и обняла невестку, а догадливый Маноах погладил молодую по руке.

Братья поведали сестре, мол, старейшина задумал перетянуть Шимшона на сторону филистимлян, обещано ему благо немерено, если отречется от старого и примет новое. Они пожаловались ей, будто арестант притворно не понимает обращенных к нему речей. Довольно дури – пусть сменит маску! Поэтому они просят ее навестить назира и склонить к разумному. И родители должны пособить плану старейшины – ведь хотят же они, чтоб чадо их осталось в живых!

Горе не погасило огонек хитроумия Длилы. Она задумала уговорить возлюбленного согласиться для начала с филистимским головой, а потом они убегут в Египет. Сходство второго плана с провалившимся первым не озадачило ее. Воодушевленная надеждой, она решилась на встречу с Шимшоном.

– Милый, поверь, я не виновна! – с порога воскликнула Длила, как только вошла в келью Шимшона, – я тоже жертва!

– Только не плачь! – сказал арестант, – мне не в чем тебя винить! Я рад видеть тебя живой.

– Правда? О, как я счастлива! Конечно, я жива! О себе скажи два слова.

– Мне хорошо. Хотя, порой, грызет тоска. Какая причина привела тебя ко мне? Ведь тяжело восставать из мрака, и солнце слепит глаза.

– Горе швырнуло меня во тьму. Но ты не держишь зла, и свет мне в радость. Я кое-что задумала. Есть план – спасти тебя, меня и любовь!

– Не надо спасения! Оставим все, как есть. Мне хорошо здесь, а ты, Нимара, ворочайся к себе в могилу!

– Что ты сказал?

– Вернись, Нимара, в царство мертвых. Бог даст, и скоро встретимся.

– Боже мой! Как страшно!

Она наспех поцеловала Шимшона в лоб и стремглав выбежала из кельи. “Теперь ваша очередь!” – бросила она до-

жидавшимся старикам, удерживаясь всеми силами от слез.

– Сынок! – вскричала Флалита, обняла Шимшона, зарыдала.

– Сын... – произнес Маноах и замолчал, скрывая чувства.

– Мать, отец! – тихо проговорил Шимшон, обнимая родителей.

– Ты здоров? Сыт? – спросила Флалита.

– Да, все хорошо.

– Здесь были косы, – всплакнула мать, погладив сына по стриженной голове.

– Что думаешь о предложении старейшины? – солидно проговорил Маноах.

– Соглашайся, сынок! – выпалила Флалита.

– И план Длилы прими, а мы потом приедем к вам! – шепнул Маноах.

– Опять план? Один уж провалился. Кушит – она краса-

вица, но придумывать не мастерица, – ответил Шимшон.

– Какая Кушит? О ком ты вспомнил? – вскричал Маноах.

– Голова болит, мне трудно говорить и думать, отец...

Шимшон сел на лавку, отвернулся от родителей, уронил голову на грудь, обхватил ее обеими руками. Флалита побледнела. Поцеловала сына в темя. “Оставим его одного. Лучше нам уйти сейчас...” – сказал Маноах и, взявшись за руки, старики покинули тюремную келью.

Глава 10 Последнее деяние

Старейшина вошел к Шимшону, когда тот рьяно вращал жернова. Четверо вооруженных охранников сопровождали филистимского голову, который справедливо полагал, что недоверие – близкая родственница мудрости, да и какое может быть доверие к бандиту-обрезанцу?

– Как поживаешь, иудей? – спросил для порядку старейшина.

– Слава Богу! – ответил Шимшон.

– Оставим богов в покое!

– Мелю муку, почтенный. Доволен. Не надо судить, не на-

до поучать. Жаль только, бить и убивать не могу...

– От тебя самого зависит возвращение к величию. Когда дашь ответ на предложение мое?

– О чем ты говоришь, почтенный?

– Шимшон, не притворяйся слабоумным!

– Слабосильный я нынче! С волосами, как видно, и сила и ум ушли.

– А ведь растет волос-то! – сказал старейшина, фамильярно погладив узника по голове.

– Руки прочь! Ты еще меня не победил!

– Ну-ну, не шипи! Подумай о судьбе народа твоего и о своей в придачу.

– К предательству толкаешь?

– Не толкаю, а тяну, и не к предательству, а к благоденствию. Запомни, Шимшон, через месяц мы справляем праздник в храме, и жрец спросит, созрел ты для мудрости или для казни. А пока мели муку и думай.

Длила стала навещать Шимшона каждый день. Она обращалась к нему, а он смотрел не нее пустыми глазами и не отвечал. То была месть? Или не узнавал? Не известно. Она умоляла ответить согласием старейшине и ее замысел принять. Но он не размыкал уст, и не кивал головой, и как знать, что на уме у него?

Флалита и Маноах были у него раз-другой. Нелегко старикам ходить из Цоры в Тимнату. Он мало говорил. Скажет “отец”, “мать”, обнимет, поцелует в лоб, опустит голову и замолчит.

Длила поселилась у родителей Шимшона. Полюбили ее. Все трое не теряли надежду. Ободряли друг друга. Вечерами вместе готовили слова вразумления, а утром Длила отправлялась к узнику и выкладывала ему, что накануне удумали, а потом уныло возвращалась, не солоно хлебавши. Утешая невестку, Флалита, бывало, ласково погладит ее по животу и подмигнет.

Настал праздничный день. Язычники собрались в своем храме – общим числом три тысячи человек. И Длила была среди гостей. Она ждала – вот-вот доставят Шимшона, и жрец задаст ему решительный вопрос, и невольник предпочтет жизнь и разум, а потом она шепнет ему на ухо кое-что,

и он изберет любовь и свободу.

И вот привели закованного в цепи Шимшона. Глаза его лихорадочно блестели, как у человека, отважившегося, наконец, покончить с раздумьями, и изнывающего от нетерпения – скорей бы уж сделать драматический шаг.

Жрец и старейшина подступили к узнику и спросили громкоподобно, каков его выбор. И во всю мощь своего голоса, чтобы слышали все не только в храме, но и на площади перед ним, Шимшон прокричал: “Слушайте меня, филистимляне! Отныне и навеки – я ваш! А теперь раскуйте меня!”

Всеобщее ликование охватило праздничную толпу. Язычники с площади бросились под своды храма – каждый хотел взглянуть на героя вблизи, коснуться рукой, услышать слово. По знаку старейшины охранники освободили Шимшона от цепей. Длила кинулась к нему, обхватила за шею и произнесла сокровенное, их двоих касаемое.

Услышав это, он взглянул на нее, как раньше когда-то глядел, и сказал: “Я узнал тебя, ты – Длила! Слушай меня. Я одинок, я в тупике, я не исполнил миссии, я принес горе всем. Я не достоин жизни! А дитя наше пусть живет!”

Шимшон схватил Длилу за плечи и отшвырнул ее далеко

прочь – на самую площадь. Волосы его отросли, и сила вернулась. Он обнял могучими руками две главные колонны и потянул их, что было силы, и они надломились, словно тростинки, и крыша храма рухнула вниз и погребла под собой Шимшона и с ним бесчисленное число язычников.

Длила едва добралась до Цоры. Бела, как мел. Испуганный ужасным ее видом, Маноах поднес стакан воды. Он подумал, что беременность тяжела невестке – пусть отдохнет с дороги.

– Где Флалита? – слабым голосом спросила Длила.

– Прилегла с устатку, уснула.

– Сядь, Маноах...

– Я лучше поесть тебе соберу!

– Сядь, Маноах!

– Ну, сел.

– Шимшон погиб... – едва вымолвила Длила и поперхнулась страшными словами.

– Что? Как?

– Он убил себя!

– Флалита, просыпайся! – вскричал Маноах, вбежав в комнату к жене.

– Что случилось?

– Шимшон погиб! Мы идем в Тимнату!

– Вам нельзя туда! – давясь слезами, проговорила Длила, – вас убьют!

В первые часы Флалита не осознавала случившегося. Она слушала и не слышала Длилу – надрывную ее речь пополам с рыданиями. “У нас не будет могилы. Его тело не отыскать среди тысяч других...” – эти слова Флалита усвоила вполне.

Должно быть, небеса осведомлены отменно о всяком шебуршении на земле. Только рухнул храм, а уж ангел Пахдиэль тут как тут, спустился с высот, и побывал в Тимнате и примчался в Цору. Работы непочатый край – обмозговать события и записать для вечности. Досада и радость вместе вошли в ангельское сердце: безвременно окончилась миссия назира, но велик подвиг его последний.

Где взять слова, чтоб описать муки Маноаха и Флалиты? Страшнее иметь и потерять, чем не иметь совсем. И что за дело родителям до чужих смертей, коли своя катастрофа все перевесит? Нет больше сына, навсегда сгинул Шимшон. Он не погиб в бою, не умер от ран, не казнен врагами и даже не предан друзьями. Он убил себя сам!

– Он не подумал о нас, – нашла слово укора Флалита.

– Безумного нельзя винить, – нашел слово оправдания Маноах.

– Болезнь души – худший из недугов... – прошептала мать.

– Непоправимость – худшее из несчастий... – добавил отец.

– Мы виноваты, мы проглядели начало помрачения ума... – сокрушалась Флалита.

– Мы слепы! Его, вечно одинокого, не имели права отделять от себя, а мы... – поддакивал Маноах.

– Нам не долго осталось... – утерла слезу Флалита.

– Этим утешимся... – поддержал Маноах.

– Я вас не покину, – вставила слово Длила, – я рожу вам внука, он подрастет чуток, и вместе все покинем эту кроваж- жадную землю.

– Ах, Длила, – промолвила Флалита, обняв невестку, – наши глаза закроются раньше, чем откроются маленькие глазки... Сердцу не принять утрату, и возмещения не будет...

Пахдиэль был безжалостен к старикам. Обвинил их в том, что не уберегли назира, судью Израильского. Указал им на маловерие и на недалекость ума. Длила едва удержалась, чтобы не наградить пощечиной посланника небес. “Безжалостный, жестокий ангел! Тебе принадлежит бредовый замысел исправить мир, и только ты – трагедии виновник!” – бросила Длила ему в лицо. Не придав значения ее словам, Пахдиэль принялся за работу писательства.

“Господи, Боже, прошу, вспомни меня и укрепи меня в последний раз, и я отомщу филистимлянам страшной мезтью! – вскричал Шимшон и уперся руками в два средних столба и обрушил крышу храма языческого, – и умертвлю я при смерти моей врагов больше, чем убил при жизни моей!” – так Пахдиэль изобразил в своей книге последние сло-

ва Шимшона, а другого ничего не написал.

Маноах и Флалита не удостоились увидеть внука и умерли своей смертью, и филистимляне не успели их казнить за последнее деяние Шимшона. А Длила с тайной помощью братьев бежала с младенцем в Египет.

Подвиги древности не уняли вражду и не сдвинули чашу весов: ни победа, ни мир не случились в земле Ханаанской. С годами Господь всех прибрал, а написанное посланцем небес осталось навсегда для славы, поучений и упреков.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word.